

С. 3 «Нам ещё предстоит осмыслить уроки 1917 года»

В разных городах России проходит региональный этап Рождественских чтений. В этом году главная их тема – уроки минувшего столетия. Мы знакомим читателя с тезисами прозвучавших в Гатчине, Нижневартовске и Твери докладов членов Преображенского братства

С. 4 Гадаринские бесы

В проповеди протоиерея Георгия Митрофанова встретились два воспоминания: об исцелении гадаринского бесноватого и о страшной гибели священномученика Иоанна Кочурова от рук озверевших красногвардейцев. Есть ли у нас, наследников этого страшного прошлого, возможность исцелиться?

С. 7 Как это было

В последнем, предрождественском номере года в рубрике «Накануне» мы хотели вспомнить что-то доброе – ведь не вся же жизнь России сто лет назад была политическими баталиями в Думе, убийствами и войной – и решили разыскать свидетельства и воспоминания о том, как праздновалось Рождество до 1917 года

Приложение «Вестник просвещения»

Сегодня в нашем приложении игумен Агафангел (Белых) рассказывает о главных качествах миссионера, которые особенно ярко проявляются в тех далеких краях, где неизбежна «прозрачность» жизни каждого. А катехизаторы Преображенского братства кратко отвечают на вопрос о главных качествах катехизатора

Тема номера Имеющие надежду

В жизни всегда есть пространство свободы

Из беседы священника Георгия Кочеткова с членами Преображенского братства

Священник Георгий Кочетков: Вся правда о событиях последних ста лет так и не была сказана до сих пор. Причем именно принципиально важные стороны не были освещены, концептуально осмыслены и отражены в сознании народа, чтобы это могло стать народообразующим началом. И эта сложность вопроса как раз и заставляет быть очень осторожными в формулировках.

Сейчас вы слышали рассказы о том, как 30 октября читались имена репрессированных. Это очень важно, и важна наша принципиальная установка читать с молитвой имена всех, даже когда жертвы одновременно являются и палачами (ведь известно, что в 1930-е годы было уничтожено очень много сотрудников НКВД, а они были настоящие палачи). К

сожалению, нас в этом подходе до сих пор почти никто не понимает и не поддерживает.

С другой стороны, нужно хорошо понимать, что слова о том, что «мы – один народ», могут нести в себе фальшь: действительно один, да не один! Хотя какую-то дифференциацию, пусть и в очень упрощенной форме, здесь пытаются внести те, кто говорит, что народ был расколот пополам, половина – это те, кто сидели, были мучимы и расстреливаемы, притесняемы, всячески унижаемы и запуганы, а другая половина все эти преступления совершала. Но все это еще надо правильно истолковать, правильно осмыслить. И принципиально важно противостоять искаженному освещению нашей истории как вполне преемственной от Рюрика до наших дней.

Какого результата мы ждем от национального покаяния? Томи-чу Денису Карагодину, который выяснил всю цепочку виновных в расстреле его прадеда, написала внучка одного из этих виновных. И попросила прощения. Это поразительная и редкая история. Мы ожидаем чего-то подобного?

Такого рода примирение действительно реально. Это удивительно и неудивительно одновременно. Даже малое усилие в этом направлении дает вот такие плоды. Даже небольшое наше усилие по национальному покаянию начинает вызывать ту же реакцию. Принципиальные враги этого – только те, кто являются принципиальными врагами России и нашего народа, больше никто.

Окончание на с. 6

Патриарх Тихон и братства в Америке

Мы в очередной раз обращаемся к одной из сквозных тем года. Сегодня в нашем номере фрагмент записи, сделанной в этом году в СФИ бакалаврской работы Евгении Литвиненко. Это исследование многое скажет читателю о том, на какой жизненный и церковный опыт опирался избранный в 1917 году патриарх Тихон, когда с такой надеждой обратился именно к братским движениям в то время, когда над церковью и страной нависла страшная угроза

Епископ Тихон (Беллавин) прибыл в Америку 30 ноября (12 декабря) 1898 года. Нового архиерея встречали клирики и прихожане русской Николаевской церкви, а также представители сирийской церкви в Бруклине. Как сообщает Американский православный вестник, в день приезда нового архиерея пришли приветствовать также депутаты православных братств: Нью-Йоркского братства Рождества Пресвятой Богородицы, Нью-Йоркского Свято-Николаевского сиро-арабского братства, Йонкерского братства Иоанна Крестителя, Анзонийского Свято-Васильевского братства, Пассайкского Трехсвятительского братства, члены возглавляемого В.А. Тепловым общества «Русская Беседа».

Знаменательно, что наряду с клириками и прихожанами столичных храмов представители православных братств оказываются в числе первых лиц, встречающих своего правящего архиерея. В дальнейшем везде, куда бы ни приезжал еп. Тихон, его встречали «клир, представители братств, прихожане храма» – именно такую последовательность всегда указывает Американский вестник. Очевидно, что в жизни Североамериканской епархии православные братства обладали вполне законным и официально признаваемым

статусом, были полноправными участниками церковной жизни.

На протяжении своего служения, по мере углубления опыта взаимодействия с братствами, еп. Тихон находил в них все больше оснований и опоры в деле развития епархии. Так, в отчете за 1903 год владыка Тихон писал: «Как при постройке церквей, так и при образовании самих приходов в Штатах делу этому оказывает важные услуги и помощь братство... Оно обычно ставит своей целью не только материально помогать членам его (большим, потерявшим мужа или жену), но и сохранять Православную Веру и русскую народность. Если в данной местности хорошо идет работа и, следовательно, набирается много работников, то братчики покупают «лоты» (участок земли 25x100 фут.) и строят церковь. В этом деле им приходят на помощь все члены Православного Общества Взаимопомощи... По постройке церкви братство нередко достает и своего священника, которому ежемесячно выплачивает известную сумму, в дополнение к доходам (за требы) и субсидии от Духовного правления». Приведенная цитата позволяет увидеть многообразие сфер церковной жизни, в которых братство и братчики могли брать на себя полную ответственность: помощь нуждающимся, покупка земли, содержание причта, сохранение национальной культуры, поддержание духовного настроения общины.

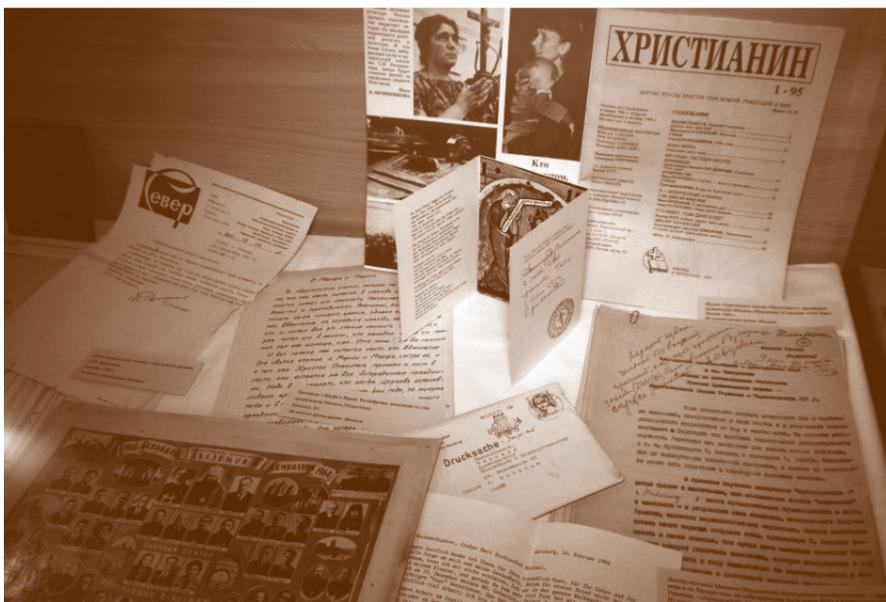
Окончание на с. 8

Он вышел на служение в дни гонений

В Петербурге по благословию митрополита Варсонофия прошел вечер памяти архиепископа Михаила (Мудьюгина)

Его брат был советским прокурором, жена – долгие годы лютеранкой, а мать – столбовой дворянкой и активным членом Александровско-Невского братства в Петрограде. Мальчиком его посвятил в чтецы будущий новомученик митрополит Вениамин (Казанский). Однако он выбрал светскую карьеру, защитил кандидатскую диссертацию в Центральном котлотурбинном институте, некоторые прочли ему будущее академика.

Будущий архиепископ Михаил (Мудьюгин) (1912–2000) был рукоположен неожиданно для многих в сорок шесть лет, а еще через шесть лет после долгих уговоров митрополит Никодим (Ротов) убедил его принять епископский сан. Последним аргументом стали слова о том, что это нужно Духовной академии: образованный, ученый человек аристократического происхождения в сане епископа мог стать хорошим ректором.

Специально для вечера членами Свято-Введенского, Благовещенского, Свято-Алексеевского и Свято-Петровского малых православных братств была подготовлена выставка, посвященная архиепископу Михаилу. На ней были представлены фотографии и личные вещи владыки из архива протоиерея Константина Костромнина. Облачение архиепископа Михаила предоставил музей Санкт-Петербургской митрополии

Окончание на с. 2

Он вышел на служение в дни гонений

В Петербурге по благословию митрополита Варсонофия прошел вечер памяти архиепископа Михаила (Мудьюгина)

Начало на с. 1

Владыка Михаил понимал, что его ректорство – не надолго, но все же надеялся, что оно продлится дольше, чем неполных два года. Однако слишком уж несуетливым был этот ректор – со знанием как минимум шести языков, молитвенник и яркий проповедник, всем своим видом свидетельствующий о присутствии Того, в Кого верил. Таких не терпели в центральных городах, поэтому сначала – Астрахань, а затем – на долгие двенадцать лет дальняя северная Вологодская епархия.

Об этом и о многом другом вспоминали на вечере памяти владыки Михаила в Петербурге 12 декабря, отмечая таким образом пятидесятилетие его епископской хиротонии. Первоначально вечер планировался в Вологде, однако после был перенесен в Санкт-Петербург – город, где происходила хиротония и где он жил последние годы на покое и преподавал все в той же Духовной академии, а также в гимназии Петершуле и на различных курсах.

Устроителями вечера стали два учебных заведения, с которыми владыка Михаил был связан в последние годы жизни: Свято-Филаретовский православно-христианский институт (Москва), в Попечительский совет которого он входил, и Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург). Вечер проходил по благословию митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Варсонофия.

Заведующий кафедрой богословия РХГА Олег Иванов, начиная вечер, тепло вспомнил о богослужении владыки, в котором ему довелось участвовать:

– Есть люди, к воспоминанию о которых обращаешься в важные моменты своей жизни, чтобы не утратить, чтобы сохранить в себе то лучшее, что в тебе есть. Я благодарен владыке за то, что он принадлежит именно к таким людям.

«Мне с Богом никогда не скучно!»

Ведущая вечера ученый секретарь СФИ Юлия Балакшина также вспомнила о своей встрече с владыкой в конце 1990-х годов: «Я помню его на богослужении в храме Новомучеников и исповедников российских. Внешне он уже был человеком немощным, но слово его всегда было с силой и радостью. Я пела в церковном хоре и однажды он сказал: “Как хорошо поет ваш хор!” Для нас это было чрезвычайно большой похвалой, мы знали, что он знаток музыки, сам играет на фортепиано».

Протоиерей Димитрий Дашевский, рукоположенный владыкой, когда тот уже жил на покое в Петербурге, рассказал: «Даже во время простой беседы, когда мы сидели у него дома, у владыки часто возникала потребность помолиться. Он произносил всегда какую-то свою молитву, очень импровизированную. И это было не сотрясение воздуха, а реальная беседа человека с живым Богом – ты понимал, что участвуешь в богообщении. Кстати, опытные протоиереи признавались, что с владыкой было очень сложно служить: несмотря на то, что архиерейское богослужение расписано досконально, те никогда не знали, что он сделает в следующую минуту – например, мог поставить весь алтарь на колени во время Евхаристического канона. Надо сказать, он терпеть не мог, когда в алтаре шли какие-то разговоры. Наизусть он знал колоссальное количество церковнославянских богослужебных текстов. Совершенно типично было для него во время трехчасового перерыва между лекциями в духовной академии и богослужением пойти в академический храм. «Владыка, так ведь служба еще не скоро?» – «А мне с Богом никогда не скучно!»

Воспитание священников

Ольга Павлова рассказала о том, каким архиереем был владыка. Он с первых же слов знакомства сказал тогда еще мирянину Василию Павлову, искавшему рукоположения, что «лучше быть хорошим мирянином, чем плохим священником»:

– Владыка считал, что звание христианина нужно заслужить и пойти для этого на какие-то жертвы, пройти через испытания. У него не было такого отношения, что раз человек хочет рукоположиться – то сразу нужно

ему все предоставить. Когда мой муж, доцент астраханской консерватории, по приглашению владыки все бросил и поехал в Вологду рукополагаться, владыка отправил его в самую дальнюю деревню – в ста километрах даже не от Вологды, а от Череповца. А у нас трое детей, младшему год. Причем произошло это рукоположение через два с половиной года после приезда мужа в Вологду. Знакомые шутили: «Надо быть хорошим знакомым владыки, чтобы тебя заслали в такую тьмутаракань». И все же для мужа это была хорошая духовная школа.

Ольга Гавриловна рассказала об одном совете, который владыка давал молодым священникам:

– Мы регулярно общались с владыкой на протяжении двадцати лет – с 1981 года и до его кончины. Его тип – это профессор Преображенский из «Собачьего сердца». Он действительно производил впечатление власти имущего, говоря евангельским языком, – не выпячивал себя, но вы понимали, что этот человек обладает серьезным духовным опытом. Он был бесребренником, о чем говорил и его выдавший виды костюм, шляпа, тросточка. Дома у него была небогатая обстановка. Мужу он говорил: «Никогда не берите денег у прихожан. От угощений не отказывайтесь, но деньги не берите». Думаю, он и сам следовал этому правилу. Он был чрезвычайно разносторонней личностью, и поэтому с ним было очень легко и интересно говорить – он вспоминал многих литературных героев из классики, инюгда греческих авторов.

О случае наставления будущего священника рассказала Юлия Балакшина, вспомнив беседу с одним из вологодских священников. Тот вспоминал, что перед рукоположением архиепископ Михаил задал ему вопрос:

– Зачем ты хочешь быть священником?

Кандидат подумал и ответил:

– Хочу возродить церковь после семидесяти лет безбожия, воспитывать народ в вере.

– Пойди, подумай.

Молодой человек мучительно перебирал возможные ответы, читал биографию владыки – чтобы угадать, какого же ответа он ждет, потом махнул рукой, помолился и решил сказать то, что будет на сердце. Вернувшись, он сказал:

– Хочу послужить Христу.

И владыка с огромной радостью принял этот ответ. Оказывается, именно так он отвечал и сам при соборном рукоположении, и эта жажда послужить Христу не оставляла его на протяжении всей жизни.

Собрание церкви

Архиепископ Михаил считал, что сплочению людей способствуют три вещи: общая молитва, общая работа и общая трапеза. Большие праздники – Пасху и Рождество – он отмечал по несколько дней. В первый день приглашал к себе на обед духовенство, во второй – всех хористов из обоих открытых в то время в Вологде храмов, а на третий день устраивал прием для остальных сотрудников храмов.

Александр Копировский помимо Духовной академии общался с владыкой Михаилом в Москве, на его встречах с Преображенским братством, а также неоднократно лично с ним беседовал в Петербурге. Он рассказал об отношении владыки к мирянам: «В 1995 архиепископ Михаил принял участие в конференции Свято-Филаретовского института “Миряне в Церкви”. Еще на трапезе, а это была общая агапа всех участников конференции, владыка сразу произвел впечатление настоящего епископа – уверенного, спокойного. В своем докладе и потом в дальнейшем общении с нами владыка проявил внимательное отношение к мирянам. Можно было ожидать, что он как епископ будет говорить в первую очередь о послушании мирян священноначалию, о выполнении устава и так далее. Однако неожиданно он с большим пониманием и поддержкой отнесся к мирянскому движению. Он отметил лишь то, что им надо быть трезвенными: на сегодняшний день миряне сильно отличаются от духовенства недостатком духовного образования, им не хватает церковного вос-

Владыка Михаил на агапе Преображенского братства. За столом сидят академик Сергей Аверинцев, священник Георгий Кочетков, священник Иоанн Привалов, Александр Копировский. Преображение Господне, 1995 год

питания, а еще – они погружены в житейские дела. И поэтому призывал не иметь иллюзий, что миряне сразу найдут общий язык с духовенством. О духовенстве же владыка также говорил очень трезво: что часто священники думают о себе так, как будто они созданы из другого теста, что часто жаждут власти над церковным народом. И неожиданно прибавил: порой и я чувствую в себе то же.

В интервью для журнала “Православная община” владыка говорил о том, что сейчас “библейзация” (он именно так и сказал) для церкви – первое дело, и очень важно поставить жизнь церкви как можно в более близкую связь с Писанием, с Евангелием. А в отношении к внешним самое главное – дело миссии и катехизации. И что к тем, кто это делает уже сейчас, не дожидаясь общего соборного решения, обычно относятся негативно, однако это неправильно – таких людей надо поддерживать, а не останавливать».

Протоиерей Константин Морозов, служивший иподьяконом у архиепископа Михаила (Мудьюгина) в храме пророка Илии на Пороховых, рассказал о том, что поначалу его даже возмущал тот факт, что владыка до всего есть дело: ведь мог бы и пропустить какую-то ошибку регента. Только со временем стало понятно, каким глубоким человеком был владыка Михаил, и даже в мелочах открывалась его жизнерадостность и живость характера, присущие ему до последнего дня.

Воспоминания Ксении Третьяковой, дочери владыки Михаила, внесли особую, семейную ноту в атмосферу вечера. Она напомнила, что будущий владыка почти не помнил дореволюционного времени – в 1917 году ему было пять лет. В восемнадцать он был арестован и пробыл под следствием девять месяцев.

Декан факультета религиоведения СФИ Маргарита Шилкина вспомнила, как проходило отпевание владыки в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры. Оно было отмечено особым знаком: в связи с ремонтом храма престол был вынесен из алтаря и литургия служилась прямо в храме, все были рядом – священнослужители, миряне, возлежавший во гробе архиепископ. То единство церкви, к которому он призывал в своих трудах и проповедях, неожиданно проявилось видимым образом как знак особой надежды на его достижение.

В завершение вечера прозвучал аудиофрагмент из выступления архиепископа Михаила на агапе Преображенского братства в 1995 году. Впервые на вечере были показаны фотографии из архива протоиерея Георгия Рябинина, сослужившего владыке Михаилу все годы его епископства на Вологодской кафедре. Украшением вечера также стал фотоальбом, принесенный дочерью владыки, в котором были собраны фотографии с его епископской хиротонии.

Анастасия Наконечная
Фотографы: Игорь Хмылев, Анатолий Мозгов (+ 2008)
Полностью материал опубликован на сайте Преображенского братства. Интервью участников вечера «Кифе» читайте в следующем номере

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.
Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne Ste Genevieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60 (Анна Гринман),
+7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)
Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарева)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)
США, Канада: 1-651-210-49-22, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.
Отпечатано в типографии «Борк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 26 декабря 2016 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.
Дата выхода в свет 29 декабря 2016 г.

gazetakifa.ru

«Берегите Братство, это святое общение в Церкви»

Один из докладов, прозвучавших на пленарном заседании историко-практической конференции «1917–2017: уроки столетия», был посвящен петроградским братствам

В рамках прошедших 20 декабря в Петербурге III образовательных Гатчинских чтений – регионального этапа международных Рождественских образовательных чтений – прошла историко-практическая конференция «1917–2017: уроки столетия». На пленарном заседании были представлены доклады заведующего кафедрой церковно-исторических дисциплин Санкт-Петербургской духовной академии профессора протоиерея Георгия Митрофанова «Проблемы русской церковной жизни накануне 1917 года», секретаря Комиссии по канонизации святых Гатчинской епархии Виктора Александровича Васильева «По страницам дела гатчинских “церковников”. 1938 год», протоиерея Михаила Владимировича «Крестьянин и движение народо-поклонничества в предреволюционную эпоху», выпускницы Свято-Филаретовского православно-христианского института Анастасии Анатольевны Наконечной «Православные братства Петроградской епархии как церковный ответ на катастрофу 1917 года», помощника главы администрации Гатчинского муниципального района по взаимодействию с религиозными организациями Елены Александровны Федотовой «Славься, Гатчина! (1796–2016)». После пленарного заседания конференция продолжила работу по небольшим секциям.

Мы предлагаем читателю фрагменты доклада Анастасии Наконечной

Патриарх Тихон меньше чем через три месяца после Октябрьского переворота, 19 января 1918 года, обращается к верующим с призывом создавать союзы и объединения для защиты церкви. В своем первом послании к церкви он говорит: «Зовем всех вас верующих и верных чад церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне святой матери нашей [церкви] <...> немедленно устройте духовные союзы, зовите не нуждою, а доброй волей становиться в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силу своего святого воодушевления...»

В Петрограде призыв патриарха был встречен с особым воодушевлением. В епархии возникает значительное число общин и братств: Александро-Невское, вслед за ним – Спасское, Захариевское и другие. Расцвету братского (и в целом – мирянского) движения в Петроградской епархии в послереволюционные годы способствовал ее правящий архиерей – митрополит Вениамин (Казанский). Несмотря на трудные послереволюционные условия, владыка всячески заботился о духовном состоянии своей паствы: о возможности для мирян, мужчин и женщин, получать богословское образование разного уровня (мы знаем, что уникальный Богословский институт в Петрограде был открыт во многом силами членов различных братств); о сознательном участии мирян в богослужении и церковной жизни; о тесном братском общении внутри духовенства, а также между духовенством и мирянами. Большую помощь в решении этих задач оказывали братства. О поддержке митрополитом Вениамином братского движения свидетельствует и тот факт, что он отдал Александро-Невскому братству свой Крестовый митрополичий храм, часто бывал у них на богослужениях.

Среди неприходских братств особое место в епархии занимало братство Святой Софии, возникшее в 1919 г. Это было братство богословов, ученых, многие из которых стали лекторами Богословского института. Несмотря на то, что основной видимой деятельностью братства было просвещение верующих, у братчиков была и другая, внутренняя сторона жизни: на своих регулярных встречах (2–3 раза в месяц) они читали Евангелие с подробным обсуждением прочитанного, занимались подготовкой открытого полуночного общезияния-ордена для студен-

Чтения проходили в центральной районной библиотеке им. А. С. Пушкина в Гатчине

ток богословского института.

В 1920 году в Петроградской епархии было уже более 20 православных братств. Их немалое количество поставило вопрос о создании их Союза. Свои причины для создания Союза братств были и у митрополита (некоторые епархиальные советы уже закрывались властью как нелегальные – митрополиту нужна была реальная опора для поддержки нормальной церковной жизни в епархии), и у православных братств (которые были вдохновлены опытом братской жизни – не только возможностью мирянам брать всерьез ответственность за различные служения в церкви, но и внутренней жизнью – братским общением, поддержкой друг друга, стремлением жить во всем по Евангелию).

...В связи с темой наших Чтений хотелось бы отдельно отметить одно из важнейших направлений жизни православных братств – призыв к всенародному покаянию. Известно, что о нем говорил патриарх Тихон: «Плачьте же, дорогие братие и чада, оставшиеся верными Церкви и Родине, плачьте о великих грехах вашего Отечества, пока оно не погибло до конца... облекитесь, подобно ниневитянам, во вретище и умоляйте милосердие Божие о помиловании и спасении России».

Опыт братского движения Петроградской епархии, безусловно, является одним из плодов такого покаяния. Члены православных братств Петрограда не только осуществляли обширную деятельность в епархии, но и способствовали укреплению веры самих членов и тех, на кого была направлена их просветительская, проповедническая и иная деятельность. Их церковным ответом против бесовских духов разрушения и ненависти, разбушевавшихся в нашей стране в катастрофу 1917 года, была жизнь в духе единения во Христе, в духе евангельской любви и даже подлинной радости во Христе, несмотря на все происходившее вокруг. Их несломленность во время прямых репрессий позволяет говорить об особой братской закалке, по словам прот. Вячеслава Харина.

Все это заставляет нас с особым вниманием относиться к их духовному завещанию, которое можно увидеть в словах руководителя Александро-Невского братства архиеп. Иннокентия (Тихонова): «Берегите Братство, это святое общение в Церкви. Доселе вы очень дорожили зданием, иконами, украшениями и принадлежностями богослужения, колоколами. Кажется, все Господь возьмет на время или совсем от нас для того, чтобы мы восчувствовали не убор, не блеск, но самое Тело во Христе, самую Церковь, братское общение наше в благодати».

«Нам ещё предстоит осмыслить уроки 1917 года»

В Ханты-Мансийске прошли Епархиальные Рождественские чтения

Участники конференции «1917–2017 – уроки столетия» встретились 26 ноября в большом зале Концертно-театрального центра «Югра-Классик». Неподалеку от этого места находилось здание НКВД. По ночам выводили репрессированных, которые сами себе копали яму, а потом их расстреливали.

На пленарном заседании митрополит Ханты-Мансийский и Сургутский Павел сказал: «Трагические события 1917 года открыли в нашей истории новую страницу, и правильная оценка этих событий позволит нам усвоить уроки прошлого столетия и избежать трагических и болезненных ошибок в будущем». По мнению митрополита, необходимо построить часовню на месте массовых расстрелов.

В своём докладе «О политических репрессиях на территории Югры в 30–40-е годы» журналист Валентина Патранова рассказала, о том, что только за 1937–1938 годы были расстреляны 976 жителей округа, около 600 из них в Ханты-Мансийске. Среди них были врачи, учителя, домохозяйки... Самому младшему из казнённых было всего 19 лет, самому пожилому – больше восьмидесяти.

Работа продолжилась в 5 секциях. В секции «Миссия православной церкви: вчера, сегодня, завтра» с сообщением на тему «Традиция покаяния за грехи народа в опыте новомучеников и исповедников российских» выступила студентка III курса Свято-Филаретовского православно-христианского института Елена Никитина. Ниже мы приводим фрагмент тезисов ее доклада. Одним из важных результатов этого собрания стало внесенное в резолюцию Епархиальных Рождественских чтений предложение в следующем году провести акцию «Молитва памяти» во всем округе.

Сегодня в нашей церкви и в нашей стране утерян опыт всенародного покаяния. Но такой опыт в истории нашей страны был. Например, во время Смуты в Москву был специально вызван бывший патриарх Иов, чтобы «он простил и разрешил всех православных христиан за совершенные ими нарушения крестного целования и измены».

Во время Успенского поста 1918 года к всенародному покаянию призвал Святейший патриарх Тихон: «Плачьте же, дорогие братие и чада, оставшиеся верными Церкви и Родине, плачьте о великих грехах вашего Отечества, пока оно не погибло до конца...» Комиссией во главе с архиепископом Анастасием (Грибановским) был создан чин покаянного моления. Синод утвердил порядок церковных служений в дни покаяния и постановил разослать послание Святейшего Патриарха, «Чин церковных служений в дни всенародного покаяния», «Канон молебный, поемый в скорби и обстоянии», «Список рабов Божиих, за веру и Церковь Православную убиенных».

...Нам ещё предстоит осмыслить уроки 1917 года, но сегодня в опыте нашего народа есть память о жертвах политических репрессий. Вот уже 5 лет во многих городах нашей страны проходит акция «Молитва памяти», где читаются имена тех, кто пострадал в эти годы. В этом году она прошла в 28 городах. Но кроме воспоминания о тех, кто пострадал, в этом году кто-то каялся за своих дедов, служивших в НКВД, и молился, чтобы Господь Бог простил их и нас. Люди выходили к микрофону и просили прощения перед теми, кого видели впервые в жизни. Это очень важно для духовного здоровья нашего народа, в котором большинство семей коснулось эта трагедия.

В этом году акция «Молитва памяти» впервые прошла в городе Нижневартовске. На Югорской земле звучали имена тех, кто невинно погиб здесь, и звучали слова из молитвы основателя Крестовоздвиженского трудового братства Н.Н. Неплюева: «Господи, прости Россию, помилуй и спаси ради имени святого Твоего!»

Православная миссия от Собора 1917 года до наших дней

С 12 по 14 декабря в Твери прошел региональный этап Рождественских чтений – IV Фаддеевские образовательные чтения. На миссионерской секции конференции, проходившей 14 декабря в Епархиальном управлении под руководством протоиерея Александра Шабанова, выступили студенты и выпускники СФИ.

Студент V курса СФИ Андрей Васенёв, главный редактор медиапроекта «Стол», в докладе «Гостиные» молодежного «Круга» как форма свидетельства расказал, как можно сочетать положения Концепции миссионерской деятельности Русской православной церкви с наработками Научно-методического центра по миссии и катехизации, действующего при кафедре миссиологии, катехетики и гомилетики Свято-Филаретовского института. Речь шла о примере конкретной дискуссионной площадки, работающей последние семь лет в молодежной среде в разных городах страны.

Андрей Васенёв расказал о формате и темах «Гостиных», главных принципах собирания молодежи, правилах органи-

заторов площадки, основных опасностях, которые могут возникнуть при использовании такого формата, а также проанализировал специфику встреч в разных городах. «Цель “Гостиной” – пробудить у неверующих во Христа людей интерес к вопросам веры, – пояснил он. – То есть на встрече не скрывается тот факт, что её организуют верующие люди, которые в обсуждении тех или иных вопросов будут апеллировать к опыту своей веры. Но и не ставится задача воцерковления пришедших». Для самой же православной молодежи участие в такого рода дискуссионных площадках может стать подлинным «отчетом об уповании» (1 Пт 3:15), ответом на вызовы времени и реализацией своего христианства не в теории, а в реальной жизни.

Между прочим докладчик посетовал на возникающие юридические трудности, которые могут быть бюрократическим обременением для молодых миссионеров. Юридически на сегодняшний день миссия и свидетельство – это не одно и то же, так как первое подпадает под Закон о миссионерской деятельности и

регламентируется законодательством РФ, а второе, свидетельство, является неотъемлемым конституционным правом всех граждан РФ.

Доклад студента СФИ Романа Спиридонова, кандидата педагогических наук, доцента Тверского государственного университета, был посвящен опыту чтения евангелия со студентами в университете.

Выпускница СФИ Мария Лавренова, сотрудница Музея Тверского герба и символики, в своем докладе рассмотрела и проанализировала решения Собора 1917–1918 годов по организации миссии в РПЦ в новых условиях жизни, в которые она оказалась поставлена в начале XX века. Новизна решений Собора в этом вопросе была связана с объявлением общецерковного миссионерского движения, объединением всех православных христиан, способных к свидетельству о Христе и собиранию живых сил в церкви и обществе перед угрозой гонений. Мария Лавренова отметила, что Собор поставил вопрос об организации миссии в контексте устройства всей церковной жизни.

На миссионерской секции Фаддеевских чтений. Ведущий – протоиерей Александр Шабанов, Роман Спиридонов, Мария Лавренова, Андрей Васенёв

Ранее в этот день в Вознесенском Соборе в Твери прошел молебен священномученику Фаддею и состоялось пленарное заседание Фаддеевских чтений с участием митрополита Тверского и Кашинского Виктора.

Софья Андросенко
Сайт Свято-Филаретовского института

* Об этом законе «Кифа» подробно расказывала в приложении «Вестник просвещения».

Гадаринские бесы

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!
История изгнания бесов из Гадаринского бесноватого нам всем хорошо известна. Попытаемся воочию представить себе эту картину: бесноватый, который, видимо, многим был известен, навел на кого-то ужас, вызывая у кого-то отвращение, вдруг обретается людьми, многие годы его знавшими, выздоровевшим. Подчеркивание того, что он осмысленно сидел у ног Христа, конечно, производит впечатление. Побольше бы нам, христианам, осмысленно сидеть у ног Христа! Этого нам точно не достаёт, хотя мы и не беснуемся в прямом смысле слова. И вот он сидит у ног Христа, а люди, пришедшие увидеть это чудо, не столько восхищены этим чудом, сколько возмущены тем, что на поверхности озера плавают свиные туши. Ибо свиньи, в которых вселились бесы, покинувшие бесноватого, бросились в воду и, естественно, захлебнулись. Это очень выразительный образ того, к чему приводит присутствие беса в любом сотворенном Господом существе – к гибели, смерти. И как грустно, и даже страшно людям было видеть эти плавающие по озеру свиные туши, ведь это было их богатство. Эти люди, благочестиво не вкушавшие свиного мяса, активно выращивали свиней, продавая мясо язычникам, которых сами же при этом еще и презирали. Им хорошо было со свиньями, которые гарантировали им мир и покой не только внешний, но и внутренний: продавая свиней, они получали деньги и, не вкушая свинины, лишней раз ощущали себя праведниками.

Исцеление гадаринского бесноватого (Лк 8:26–35). Италия, Равенна. Базилика Сант-Аполлинаре Нуово. VI в.

И конечно, Иисус был не нужен им, как, подчас, Он оказывается не нужным и многим праведным, благочестивым, религиозным людям в нашей церкви: у них всё хорошо, они всё исполняют, они «в истине». А Христос обладал поразительным свойством появляться среди благочестивых верующих людей и вызывать у них ощущение, что они, как, может быть, никто другой, далеки от Бога.

И вот в связи с этим евангельским чтением я не могу не вспомнить обстоятельства гибели первого православного священника, убитого большевиками ровно 99 лет назад и упомянутого в святцах, относящихся именно к сегодняшнему дню. Это был человек, который менее всего походил на потенциального мученика или даже исповедника: простой, средних способностей священник. Едва закончив Петербургскую духовную академию, он был распределён в Америку, где православные эмигранты (составлявшие основную часть его пасомых) были одной из самых маргинализованных категорий населения. Он многие годы служил на окраине Чикаго в помещении, которое было приспособлено под храм фактически из двухэтажного сарая. Там он и жил, отчего его матушка заболела на всю жизнь тяжелым лёгочным заболеванием. Он очень хотел вернуться на

нормальный русский приход, он очень устал быть миссионером и подвижником, но добросовестно исполнял свои обязанности. В конце концов неимоверными усилиями он построил там храм и всё же продолжал проситься в Россию. Сначала по возвращении он попал в Нарву, а потом, уже на склоне лет, в 1916 году, в благополучный причт очень хорошего храма – Екатеринбургского собора Царского села. Неплохое содержание, заслуженно полученные награды, даже орден святого Владимира 4-й степени, дававший личное дворянство, возможность дать детям хорошее образование (старший сын его был юнкером школы прапорщиков, ну а остальные были ещё школьного возраста). Жил он в хорошей квартире двухэтажного дома прямо рядом с собором. Всё было хорошо – он действительно мог теперь почить на лаврах.

Но начались революционные события. Что-то уже встряхнуло его мирную жизнь в мартовские дни 1917 года, когда Царское село оказалось в какой-то момент в руках вышедших из повиновения солдат, по преимуществу пьяных (революционные события в стране, уставшей от сухого закона, часто сопровождалась разграблением винных погребов). Отец Иоанн увидел народ-богоносцев, о котором наверняка много грезил в Америке, к которому стремился вернуться, в неожиданном качестве. Потом ситуация будто бы стабилизировалась, особенно после того, как 1 августа из Царского села была отправлена в Тобольск императорская семья. Казалось, что постепенно страна придёт к какому-то спокойному ходу жизни.

усобной брани, казаки город оставили, и туда на следующий день вошли большевики. Почему я и вспоминаю эпизод из сегодняшнего Евангелия: входившие в Царское село сторонники большевиков, должно быть, весьма напоминали свиное стадо – люди, опьяневшие от крови, от вседозволенности, мечтавшие в этом городе, который был наполнен семьями военных, обслуживающего персонала, дворцового ведомства, навести, наконец, «революционный порядок».

И, конечно, одними из первых кто должен был подвергнуться экзекуциям, с которых обычно и начинается наведение «революционного порядка», были священники, которые служили молебны. Красногвардейцы арестовали несколько священников и сначала планировали привести в местный совет, высказать им общественное порицание и отпустить. Действительно, несколько священников туда привели, поглумились над ними и отпустили: ведь беснование не предполагает некой четкой системы. А вот о. Иоанну повезло меньше. Может быть, жизнь в Америке приучила его к мысли, что с согражданами можно говорить как с гражданами, к тому же он был священником уже немалодым, и ему было тяжело не отзываться на то, что творилось вокруг. А его толкали, оскорбляли и гнали, даже забыв, куда его должны были привести; его гнали просто по городу, а потом произошло то, что нередко сопровождается подобным рода беснования: кто-то ударил его, потом кто-то другой, кто-то ударил его уже прикладом, кто-то пронзил штыком, а потом кто-то выстрелил и уже все вместе накинулись на него, лежащего на земле. Так его и оставили. Вместо общественного порицания его, по сути дела, растерзали, хотя не забыли прихватить золотой наперсный крест. Все это произошло на глазах его старшего сына, юнкера, который сделать ничего не мог, вернулся домой и вскоре покончил с собой.

Отец Иоанн лежал довольно долго; видя, что творится в городе, к нему до вечера никто не решился подойти, даже не для того, чтобы его куда-нибудь унести для упокоения, а чтобы убедиться, жив он или мертв. Это был как бы символ будущей судьбы нашего приходского духовенства, так часто предававшегося собственной паствой; она не была такой уж злой, она просто боялась за саму себя. Эта кровавая круговая порука – либо убиваешь ты, либо убивают тебя – не одно десятилетие определяла характер человеческих отношений в нашей стране. А потом его, в конце концов, отнесли в дворцовый госпиталь (ныне больница имени Семашко), где положили в морг. Что можно сказать об этой смерти? Патриарх Тихон, лично знавший отца Иоанна по служению в Америке, отреагировал на это очень глубоко, искренне; его торжественно отпевали в Казанском соборе, похоронили в усыпальнице Екатеринбургского собора; семье была назначена пенсия, которой семья лишилась с началом гонений.

Когда я нашел внучку о. Иоанна в процессе написания его жития, оказалось, что я, к сожалению, уже знал больше, чем она, о его судьбе, ибо в семье старались не вспоминать того, что произошло. Но единственное, что она мне поведала впечатляющее, страшное, это то, что уже в 1930-е годы бедствующая семья ей, маленькой девочке решила шить зимнее пальто, и для этого достали скрывавшиеся все эти годы пальто, в котором был о. Иоанн тогда, когда его убивали. Ей об этом тогда не говорили, просто она увидела странное, огромное пальто (он был полный), и в этом пальто почему-то было семнадцать отверстий с бурого цвета краями. Семнадцать! От пуля и штыков, потому что в него стреляли, его кололи.

Что можно сказать, размышляя сейчас над этой историей? Мученик о. Иоанн? Конечно, нет. Его никто изначально не собирался убивать, никто не собирался требовать от него отречения от Христа; его могли отпустить, как отпустили других, но почему-то этого не

случилось. Ожидал ли он того, что с ним произойдет? Конечно, нет. Может быть, если бы ожидал, вел бы себя иначе, как вело себя потом десятилетиями духовенство в нашей стране: лишнего не сказать, вовремя отвернуться. Наше духовенство, обремененное знаниями о том, что может произойти с ним в нашей стране, со временем очень изменилось. Однако отец Иоанн Кочуров не был обременен такими знаниями. Он просто как священник взывал к совести тех, кто от этой совести легко освободился, кто получил, наконец, право на бесчестие, и они, видя его, впали в состояние беснования. Ведь что это было, как не беснование? Что это, если не вариация на тему сегодняшней евангельской истории?

С того времени прошло много трудных и даже трагических лет. Мы так много все эти годы говорили о том, что произошло в нашей стране, о том, что нам бы надо покаяться. А ведь на самом деле сейчас все больше и больше, все ошутимее других в публичном пространстве звучит иной голос, произносящий те слова, которые сказали в сегодняшней евангельской истории жители гадаринской страны, которые требовали, чтобы Христос ушел от них. Точно так же наша страна сейчас не хочет расставаться с эпохой, когда наш народ напоминал стадо взбесившихся свиней. Но дорого нам это время, мы хотим создать у самих себя иллюзию, что даже если многие из нас ошибались, мы-то все равно в это время были на правильном пути.

Последняя фотография протоиерея Иоанна Кочурова. 1917 год

Жизнь протоиерея Иоанна Кочурова первого, бессмысленно, можно сказать, случайно убитого в общем-то обычного священника, который просто хотел спокойно, безбедно, радуясь своим преуспевающим детям, дослужить в Екатеринбургском соборе, где он ныне погребен, прервалась таким страшным образом, как прервалась жизнь нашей страны. Ее прервали прежде всего те православные христиане, которые жили в нашей стране, а мы являемся их потомками. И вот это должно быть самой главной, мне кажется, формой нашего покаяния, которое не требует никаких слов, а требует просто молчаливой готовности каждый день стараться жить по-христиански, даже, может быть, не вспоминать ту страну, которую мы потеряли. Не мне бы, всю жизнь этим воспоминанием занимавшемуся, об этом говорить. И тем не менее это так. Есть единственный путь выйти из состояния перманентного беснования: быть христианином здесь и сейчас. И тогда мы, подобно этому исцелившемуся бесноватому, будем ходить и свидетельствовать о Христе не словом даже как таковым, но своей жизнью, тем, что вокруг нас, может быть, кому-то будет лучше, кто-то станет одухотвореннее, а кто-то даже обретет Христа. Ведь евангельская история заканчивается именно так, оптимистично! Это и будет наше покаяние.

Аминь.

«Они собираются сами каждое утро на утренние молитвы...»

Интервью со священником Дионисием Шиегиным, настоятелем Свято-Троицкого храма г. Усть-Лабинска

Свято-Троицкий храм Усть-Лабинска

Не могли бы Вы рассказать о том, как Вы и прихожане храма навещаете заключенных?

Я три года при колонии служу. А три года служил до этого в станице, была у меня на окормлении и психиатрическая больница.

Мой приход окормляет нашу местную женскую колонию – полторы тысячи заключенных женщин, и еще три колонии и Дом ребенка, там детки с рождения и до трех лет с мамами живут. И мы вместе с прихожанами нашего храма посещаем колонии, собираем для детей заключенных памперсы, подгузники: я объявляю в храме, что нам все это нужно, и прихожане всё приносят.

Молодые люди, собирающиеся вокруг нашего прихода, участвуют в поездках в колонию вместе со мной. Мы совершаем там богослужения. Концерты замечательные делаем: был у нас пасхальный концерт, были концерты ко Дню матери, Дню победы. Молодые люди показывают заключенным, что есть другой образ жизни, что можно по-другому жить.

Прихожане, которые умеют играть на гитаре, приходят в Дом культуры (там целый свой мир, в том числе и Дом культуры, в женской колонии...). Там хорошие люди, хотя, конечно, разные есть люди...

А Вы не знаете, кто из них и за что сидит?

О ком-то знаю.

Они исповедуются?

Исповедуются очень многие. В нашей епархии шесть колоний – одна женская, остальные мужские. В мужских колониях люди тоже приходят в храм, но в женской прихожанок гораздо больше.

От безысходности?

Вы знаете, тенденция все-таки скорее к тому, чтобы больше в колонию не возвращаться. Люди стараются исправиться, прикладывая к этому силы и трудятся. Ведь для того, чтобы по условно-досрочному освобождению выйти, надо не просто вести себя хорошо, надо работать, участвовать в каких-то мероприятиях – там у них проходят выступления, конкурсы, а это все плюсы и бонусы, которые потом способствуют досрочному освобождению. И люди стараются максимально приложить усилия к этому.

Сколько же в колонии прихожанок?

Вот у нас было соборование, и больше ста человек соборовались. Когда я приезжаю и мы служим, то 30–50 человек причащаются.

А оглашение Вы не проводите?

Отец Дионисий с прихожанками женской исправительной колонии 3 п.Двубратский.

Я крещу взрослых и детей, но оглашения перед этим нет. У нас скорее домашняя обстановка. Я беру с собой торт, сладости и мы просто общаемся после службы – идет беседа, я отвечаю на вопросы. Там есть довольно неплохая библиотека. Они собираются сами каждое утро на утренние молитвы, днем после обеда в свободное время читают Псалтирь, акафисты, и вечером тоже собираются.

И им разрешают?

Разрешают, храм работает официально, все открыто. Это домовый храм. Люди собираются, сами приходят, ставят свечки, за своих близких молятся.

Для нашей молодежи это важно еще, чтобы они сами задумались, как может жизнь повернуться и где могут люди оказаться, чтобы посмотрели, что не все так гладко и хорошо бывает. А для заключенных молодые люди, которые приходят, пусть их и немного, – это тоже пример, что можно в храме трудиться, прославлять Бога и что-то полезное, доброе и хорошее делать.

Насколько получается преодолеть стену – вы и они? Получается ли общение?

В том-то и дело, что нельзя барьер ставить – мы и они; мы все вместе, не должно быть этого барьера. Просто к людям по-хорошему, по-доброму относиться нужно, тогда общение получится.

Люди периодически пишут апелляции, приходят брать на это благословение, и мы в храме о них молимся. Мы вообще у себя в храме постоянно совершаем молитву о заключенных. И конечно, многие освобождаются, выходят. У нас даже интересная такая тенденция наметилась в последнее время: только у нас появляется староста тюремного храма, только всему научишь, а она вдруг освободилась. Следующая – тоже быстро освободилась. С одной стороны, жалко, что вот обучили человека, нес бы он свое послушание, но с другой стороны, освободился человек и к семье возвращается. Там люди стараются, конечно, приложить все усилия, чтобы выйти.

С освободившимися переписываетесь?

Мы даже созваниваемся, общаемся, они приезжают в гости к нам в храм.

Каковы их условия жизни?

Я бы сказал, что довольно-таки неплохие условия. Большинство живут в бараках, но на самом деле это такие двух-трехэтажные домики, их несколько на территории. Работают в две смены – швейное производство, спецодежду шьют. Они там сами готовят, например, пекут хлеб. Есть Дом ребенка, там бани свои.

А в комнаты к ним Вы заходите? Вернее, в камеры.

Я не каждый раз захожу, мы обычно в храме встречаемся, но когда меня приглашают освятить помещения, то я, естественно, прохожу и везде все освящаю. Там камер нет. Это женская колония, поэтому все чисто и аккуратно. Вот, допустим, большая комната и двухъярусные кровати стоят, тумбочки у каждой есть. Очень хорошие условия в Доме ребенка, там для каждой мамы отдельная комната, свой санузел, своя кроватка для ребенка.

Но, видимо, все-таки не все там гладко, ведь есть жестокость в этом мире?

Понятно, конечно, что люди разные. Не ангелы туда попадают. Я в основном общаюсь с теми, кто приходит к нам в храм, а это люди, которые хотят по-другому жить. В целом же в колонии, конечно, между собой они и ругаются, и конфликтуют, от этого никуда не убежишь.

Как-то меня пригласили к молодой девочке 17–18 лет. Она сидела в изоляторе за плохое поведение, за агрессию против сотрудников, и попросила, чтобы ей пригласили священника для исповеди. Мне сказали: «Вы можете отказаться». Но я сказал: «Пойдемте сходим».

Она удивилась, что я пришел, потому что рассчитывала на то, что меня не пригласят, и она напишет жалобу. Я ей говорю: «Послушай, ты здесь сидишь в изоляторе, зачем это тебе надо? Ты – молодая девочка, наоборот, старайся вести себя хорошо, работай, трудись. Выйдешь по УДО...» И мы пообщались с ней, и потом она стала приходить к нам в храм. Я бы не сказал, что она прямо-таки радикально поменяла свое поведение, потому что мне жаловались, что конфликты с ней происходят – характер у нее конфликтный, а жизнь сложная, – но она стала приходить в храм.

Нужно сказать, что у них есть очень много творческих кружков, где рисуют, лепят. Да, в моем рассказе это все, может быть, выглядит, как пионерлагерь, причем с побудками и с каждодневной зарядкой (это действительно в обязательном порядке: они утром

Выставка картин по евангельским сюжетам приехала в женскую колонию...

встают – и у них обязательно зарядка). Конечно, там есть негативные моменты, потому что это все равно колония, люди неидеальные, но в большинстве своем они все-таки прикладывают усилия, чтобы выйти оттуда. Вот Вы «Побег из Шоушенка» вспомнили. Я спрашивал замполита про побег, она говорит, что последний побег у них в 1970-х был.

Люди хотят не бежать (что только утяжеляет положение), а выйти, они не хотят там находиться. Кто-то переосмысливает свою жизнь, кто-то другую жизнь хочет начать. Это сложно. Вот наша бывшая староста, Лена из Волгодонска, вышла, у нее высшее образование, она бухгалтер, но не может устроиться на работу, потому что никто не хочет ее брать... Это проблема, это тяжело.

А сроки очень разные. Есть сроки больше 20 лет. Между прочим, самые большие сроки не за убийство, как мы думаем, а по 105 статье – наркотики в больших объемах.

До разговора с Вами мне казалось, что в таких местах настолько подавляющая атмосфера, что трудно свидетельствовать о Христе, нести дух евангельской радости. Но теперь уже начинаю в этом сомневаться.

Я бы не сказал, что трудно. Люди с удовольствием приходят на наши концерты, собираются даже те, кто не ходит в храм. Сами приходят, их никто туда не заставляет идти. Я им выставку картин по евангельским сюжетам туда привозил, проводил экскурсию, и тоже многие собрались...

Выставку эту я взял у майкопских баптистов. Они купили репродукции картин мировых художников на тему евангельских сюжетов, в них показана полностью вся земная жизнь Иисуса Христа. Рассказываешь о художнике – и рассказываешь о Евангелии.

Какой Вы нестандартный батюшка.

Я не должен с представителями других конфессий воевать. Я с ними познакомился, подружился. Сама по себе эта коллекция картин дорогостоящая. Я у них просил на месяц, продержал год, проехал с ней по школам, спецколледж у нас есть (у нас город небольшой, такой провинциальный городок) и в колонию приехал.

Вот сейчас у нас еще одна встреча в колонии прошла: 10 ноября приезжала из Минска, из Свято-Елизаветинского монастыря матушка Мария (Литвинова). Она проводит лекции, эта матушка, она уже пожилая. Люди на такие встречи с удовольствием приходят, с удовольствием общаются. Им это интересно.

Беседовала Анастасия Наконечная

На фестивале православной прессы. Зал церковных соборов храма Христа Спасителя. Священник Дионисий Шиегин и Анастасия Наконечная

В жизни всегда есть пространство свободы

Из беседы священника Георгия Кочеткова с членами Преображенского братства

Начало на с. 1

Примирение возможно, но оно не должно быть голословным. Невозможно достичь этого просто «из общих соображений», мол, давайте забудем всё и будем жить дружно! На этом ничего никогда не построишь. Это дом на песке. Хотя многие люди хотели бы «примириться» именно так, и никак иначе.

Но все-таки возможность подлинного примирения между частями нашего расколотого народа — это лишь одна грань национального покаяния. А в чем еще мы видим его возможные плоды?

Об этом мы говорили, слава Богу, не однажды. Прежде всего покаяние есть покаяние. И мы считаем, что можно брать на себя ответственность за то, что было и есть, что можно каяться и за других. «Вы не каетесь, так мы за вас будем каяться», — это можно сказать кому угодно.

Мы предлагаем покаяние всем, без оговорок. Мы никого не отвергаем, не считаем «нечистым по природе».

Батюшка, мы все-таки говорим о покаянии как об изменении пути. За себя путь изменить возможно, мы его уже изменили. Но как мы за других-то людей, которые, возможно, этого не хотят, путь изменим?

А вот так, как мы делаем это сейчас. Если бы нам не нужно было за них каяться, мы бы не делали того, что сейчас делаем, не каялись бы в целом обо всем народе, где есть место и тем, кто пока не хочет каяться.

Очень важно понять, что у нас нет вариантов действия, если мы хотим иметь хоть какое-то уважение к себе, хотим почувствовать, что живем здесь, на русской земле, и за нее отвечаем. Сейчас нельзя кого-то уговаривать, объясняться. Такие возможности уже ушли. Нет у нас времени, и не мы его украли — у нас его украли.

Вы уже не раз советовали читать книги Солженицына. Насколько Вы считаете это обязательным?

В XX веке в нашей стране были созданы великие произведения — не только произведения художественного искусства. Литература всё больше и больше угасала по понятным причинам, но некоторые вещи в ней ещё существовали. Во всяком случае, Солженицын смог здесь многое сделать. Это действительно великий писатель, но ещё и великий историк, с удивительным чувством истории, с совершенно гениальной интуицией. Он мог не владеть академическим аппаратом, какой-то фактологией, но чувствовал историю больше, полноценнее и достовернее, чем любой академик. Я считаю, что его исторические книги — это обязательное чтение для всех наших соотечественников.

Вы говорили, что один из главных вопросов — это ЧТО и КАК мы наследуем, и что здесь больше всего подмен. А какие из этих подмен самые главные?

Классический пример — обновленчество, потом необновленчество и все прочие вариации подмен веры, вплоть до фундаментализма. Это типичные подмены православия, та самая закваска фарисеев и книжников, от которой велел беречься Господь. Это хуже ереси, хуже раскола, это просто подмена веры. В пределе это даже хула на Духа Святого. Всё это фундаментальные, глобальные вещи.

Много есть, конечно, и других подмен, есть и другие крайности — смотря о чём говорить: об общественной, или о культурной стороне жизни народа, или о церкви. Везде есть свои очень серьёзные подмены. Количество этих подмен сейчас растёт как грибы после дождя.

Отец Георгий, вопрос к Вам лично: Вы верите в русский народ?

Очень верю; точнее, как только он будет, с радостью в него поверю, но просто я его пока не вижу. А всё, что я ныне вижу, не имеет никакого отношения к русской традиции. Ещё Бердяев в своё время прекрасно написал, что люди, выступающие от имени русского народа, очень часто не являются носителями подлинной традиции. Они утверждают, причем часто в первую очередь, вещи, которые радикально отрицают именно русскую традицию. Они выступают с позиции антирусской, но как бы за русское общество, как бы за его традиции. Почему мы и называем таких людей псевдопатриотами. Не все понимают эту приставку «псевдо», часто это размывают на мелочи: одно в них не нравится, другое не нравится, третье... А на самом деле там есть очень серьёзные проблемы, и многие люди, выступающие от имени русского народа, не являются его представителями по сути дела, по духу, по традиции, по стилю и смыслу жизни. Вот в чём дело. Я сейчас вообще не вижу каких-то более или менее значительных общностей в стране, которые могли бы претендовать на то, чтобы хотя бы как-то представлять собой русский народ. Да, у всех народов всегда норма и факт отличаются друг от друга — мы это прекрасно понимаем. Но они не должны противоречить друг другу вплоть до противоположностей по всем основным характеристикам. Тот, с кем это происходит, просто самозванец!

Мы все — постсоветские люди. Советские и постсоветские. Но вот Аверинцев был русским. И Лихачёв был русским, и отец Ливерий Воронов, и владыка Михаил (Мудьюгин) были русскими. Это я точно могу сказать. Но это не я оцениваю их, как бы со стороны. Я с ними достаточно интенсивно в жизни общался и знаю, что они сами себя осознавали именно в этом качестве. Как, допустим, отец Виталий Боровой: он себя осознавал русским, и при этом белорусом; но у него эти вещи никогда не расходились и никогда не противопоставлялись. И отец Всеволод Шпиллер был русским, безусловно.

А отец Сергей (Савельев)?

Я с ним близко не общался, но судя по книгам, да. Тогда, в том поколении ещё можно было найти русские характеры — или больше с положительной стороны, или больше с отрицательной, но это были всё-таки именно русские характеры. Сейчас я этого уже не вижу. Хотя, я думаю, что отдельных людей такого ряда ещё где-то можно найти, но нельзя же обращаться только к столетним, таким, как А.П. Арцыбушев.

Именно на этом основании я говорю: русского народа сейчас нет. Его убили. Убили Россию, но убили и русский народ — тех, кого раньше называли великороссами. Можно стилизоваться сколько угодно, говорить «сладко, сладко», а от этого сладко никому не будет.

Вчера мы вместе обсуждали фрагменты «Красного Колеса», и у кого-то возникло впечатление, что какие-то силы рока в начале XX века разгулялись по России. А как сегодня с ними дело обстоит?

Мне кажется, что эти силы немного одрябли. Они совсем не те, что были сто лет назад. Поэтому ими можно пренебречь. Не то, что этих сил нет, они, конечно, есть. Есть много разных сил. Но надо понимать, что в наше время некоторые процессы приняли уже откровенно глобальный характер. Впрочем, они и тогда, с самого начала XX века, с его первых лет, даже не с 1914 и не с 1917 года, очень быстро обрели его, и, может быть, одним из основных роковых обстоятельств тогда было то, что никто не был к этому готов.

В истории есть примеры гибели цивилизаций. Встанем ли мы в этот ряд? А может быть, уже встали? Карл Брюллов. Нашествие Гезериха на Рим

Вчера, после нашей беседы, я видела, как многие люди были немного подавлены этой темой рока, но не в связи с современной ситуацией, а в связи с ситуацией 100-летней давности. Так насколько же были предопределены события 1917 года? Я вспоминаю, как во время беседы с отцом Георгием Митрофановым Вы говорили, что до самого последнего момента не всё было предопределено, что если бы успело, например, Учредительное собрание собраться до Октябрьского переворота, всё можно было переиграть. И везде существовала эта «развилка». Вплоть до Октябрьского переворота была возможность по-другому развернуть события. А после него?

То же самое. И после переворота, я считаю, можно было победить большевиков. Дело в том, что всегда существует область свободы. Но областью свободы является только Церковь. Она, конечно, и в России тогда стала оживать и адекватно проявлять себя всё чаще и чаще. Хотя очень многое было и тогда против этого.

В том-то и рок, что каждый раз, когда говоришь: вот если бы тут чуть-чуть сюда, а тут чуть-чуть туда, этот бы этого не сделал, а тот бы того не сказал, если бы здесь нам чуть-чуть помогли, а здесь бы просто не обманули — то всё было бы по-другому. И правда — так и было бы... Но случилось то, что случилось, хотя возможностей избежать этого было огромное количество.

Конечно, мы себе не представляем — я в этом абсолютно уверен — в полной мере те антирусские и антироссийские силы, которые тогда были крайне заинтересованы в разрушении России, в устранении её, разорении и уничтожении. Не только большевики об этом мечтали. Но эта тайна до сих пор хранится за се-

мью печатями. Вы этого не прочтёте нигде, и никто вам этого не покажет, никто правду об этом не расскажет.

Это очень важно как-то выявлять, потому что те, кто будет размышлять сейчас о том, что произошло сто лет назад, будут ставить один вопрос, тот, который поставил Александр Щипков на фестивале «Вера и слово»: почему всё-таки победили красные?

Ответы есть. Мы не знаем всего. Меньше всего мы знаем именно мировые глобальные процессы того времени, мы знаем только, что они были, и они проявляли себя. Мы многих важнейших факторов просто не знаем, поэтому и копаемся всё время только в себе. А не всегда это надо делать и не во всём. В некоторых случаях — совсем не эти вещи определяли события.

А откуда информацию нам брать, батюшка?

Я думаю, сто лет ещё пройдёт — и не будет полной информации. Слишком серьёзные вещи происходили. XX век в каком-то смысле — цивилизационно переломный век, а такие тайны истории хранятся иногда тысячелетиями. И вы должны это прекрасно понимать, просто потому что вы знаете мировую историю.

Почему я так выделяю Солженицына? Потому что видно, где он базируется исключительно на каких-то исторических материалах: на архивах, на мемуарах, на документах, и где — на своей интуиции. Есть у него такие вещи, причём очень важные. Часто его обвиняют в том, что он плохой историк, амбициозный человек. Ничего подобного! Он просто заменял какие-то вещи интуицией. Он никогда не позволял себе фальши, и у него была гениальная интуиция, в отличие от всех остальных, включая абсолютно всех его критиков. Никто даже близко к нему не подходил по внутреннему пониманию исторических процессов. Я не поклонник буквального восприятия всего, что написал Солженицын. Я совсем не считаю, что это — последнее слово. Но на сегодняшний день более серьёзного и более полного исследователя России XX века просто нет во всём мире, и не было последние сто лет.

Ещё одна из тем, которую мы обсуждали для того, чтобы приблизиться к пониманию катастрофы, которая произошла в России в XX веке: нужно ли нам заниматься историей собственных семей, чтобы увидеть, как по ним прошло колесо истории?

Чем лучше мы будем знать живую конкретную связь с историей, которую мы несём в своих генах, в своём духе, в своей жизни — тем будет лучше. Ведь и так много потеряно! Вот если бы мы начали это делать на полвека пораньше! Я всё время думаю: почему же я не спросил отца о том, да об этом? А мне это и в голову не приходило в 1960–1970-х годах. И всё безвозвратно ушло. Люди молчали, и они понимали, почему они молчат. Это не было легкомысленно, это был их ответственный выбор. Они спасали себя и детей, чтобы сохранить хоть что-нибудь. Поэтому их обвинять нельзя. Но мы потеряли очень многое в своей исторической памяти, поэтому если кто-то может выкопать что-то из своих корней, да ещё и осмыслить это по-христиански, честно пред Богом и своей совестью — то дай Бог!

Выкопать-то можно всё, что угодно, там таких скелетов можно понавыкапывать...

По-разному бывает, не надо обобщать. И скелеты были, и мощи были! А это не одно и то же, хотя звучит одинаково («мощи» ведь в переводе на русский — это «кости»). Поэтому если кто-то это может делать — прекрасно. Можно это всячески приветствовать и благодарить за это. Я вижу, что здесь чудеса происходят, подлинные открытия. Бывает, что человек последние дни доживает, как это было с Екатериной Пикиной, и вдруг оказывается, что у него сохранился целый архив владыки Макария (Опоцкого). Чудо и в том, что сохранилась она сама — носитель духа и смысла братской жизни первой половины XX века. И мы в последний момент всё это обрели. Но всё это открывается, и не только нам. Посмотрите, какие сейчас печатаются дневники — совершенно потрясающие, и сколько их. А сколько ещё не напечатанных...

Я не доверяю советским архивам; да, что-то там можно выцарапать, но нельзя взять бумагу, оформленную как документ, и сказать: вот, это документ и значит, нужно только от него танцевать. Ничему там до конца доверять нельзя. Я слишком хорошо знаю, как советские учреждения работали. Там всё что угодно может быть выдано за документ, но это всегда может оказаться фальшивкой. Поэтому к сведению принимать это нужно, но никак не более. А вот дневникам, при всей их субъективности и других недостатках, я доверяю значительно больше. И они действительно это доверие оправдывают. Видите, как бывает: была уничтожена культура, литература, люди, и все это — невосполнимые потери, а вот остались всё-таки подлинные письма (хотя они обычно уничтожались) и дневники — истинные свидетельства эпохи, духа и смысла русской истории, которую мы должны «раскопать» и законно наследовать.

Как это было

В последнем, предрождественском номере года в рубрике «Накануне» мы хотели вспомнить что-то доброе – ведь не вся же жизнь России сто лет назад была политическими баталиями в Думе, убийствами и войной – и решили разыскать свидетельства и воспоминания о том, как праздновалось Рождество до 1917 года. Хотя с начала Первой мировой войны рождественские елки осуждались как «вражеская немецкая традиция», а в 1916 были и вовсе запрещены Синодом, но праздник оставался праздни-

ком. Сегодня в номере – фрагмент дневника супруги будущего священномученика Клавдии Устиновой и отрывок из книги Владимира Набокова «Другие берега». Были и другие материалы, и размышляя над тем, что выбрать для номера, мы лишней раз убедились, что мемуары (в отличие от дневников) неизбежно несут на себе печать того лишнего знания, которое гнетет их авторов. Обращиваясь назад, они уже знают, чем все закончилось. Поэтому воспоминания эмигрантов первой волны полны пронзительной тоской и избра-

жают потерянную родину все более и более сказочной и прекрасной (особенно это чувствуется в шмелевском «Лете Господнем»), а мемуары тех, кто остался в России, крайне уклончиво-осторожны и описывают биографию авторов и их родственников как можно более «политически правильной».

Дневники же никогда не знают, что будет дальше. И поэтому события ноября-декабря 1916 года описываются в них так, что никогда не догадаешься: через год их авторы окажутся совсем в другой стране...

«Катя не приехала на Рождество, так как на железной дороге, в связи с войной, такая неразбериха, поезда, пропускающая военные эшелоны, подолгу стоят на станциях»

24 ноября 1916 г.

Все дни у нас с Павлом заняты на работе, развлечений почти не знаем. Решили по субботам вечером собирать у себя молодежь. Этим сборищам дали название «Союз субботников», так же стал называться и рукописный журнал, который мы все издаем. Субботники посещают семинаристы, которых приглашает Павел, Лида и Верочка Даденковы, Миша Краев и Сережа Трапицын – мои приятели, соседка Александра Ивановна, иногда ее муж – прокурор местного суда. Все должны к субботе принести какую-либо статью или рассказ. Все это читалось, разбиралось, расширялось в пух и прах, потом подшивалось, и номер складывался в «архив».

Много получается казусов. Лида Даденкова не знала, что ей писать, да и писать она не умеет. Недолго думая, она списала рассказ в каком-то журнале и торжественно прочла его, выдавая за свое творчество. Рассказ интересный и сразу вызвал подозрения. К следующей субботе этот журнал был принесен к нам, и Лида была уличена. Она расплакалась и убежала. А потом приходила ее мама – Лариса Алекс., и выговаривала нам за то, что мы так сконфузили ее дочку. Мальчишки горячились и доказывали, что это она сама сконфузила себя. Лариса Алекс. уверяла нас, что это все равно – свое ли читать или из журнала, все одна пустяковина и игрушки. Лидочка пропустила несколько суббот, а потом опять стала ходить. Мой рассказ Павел безжалостно раскритиковал. Рассказ назывался «Два письма». Доказывал, что в нем нет никакой идеи и это пустая болтовня. Зато и его рассказу «Девушка-богослов» досталось на орехи. Его героиню Леночку назвали сухарем, ходячей моралью, вообщем весь рассказ навывдуман и полон «сухаризма». Дебаты были настолько горячи и бурны, что наш прокурор грозил прихлопнуть наш кружок, как незаконный и никем не разрешенный. После официальной части пили чай, кормили вечно голодных семинаристов всем, чем только могли, и начинались всякие игры. Чаще псеги играли в почту, и надо посмотреть, что тут выстраивает Павел! Это просто ужас! ... За этой «почтой» бывает столько недоразумений, что в конце концов никто ничего не понимает, все окончательно запутывается, и Павел предлагает заняться спиритизмом. Павел к этой игре уже подготовился: пока все шумели и разбирали, кто и кому писал записки, Павел уже сбегал в квартиру прокурора (они живут в первом этаже, мы над ними) и упрямил няньку медленно стукнуть в потолок три раза хватом или половой щеткой. Стукнуть надо тогда,

когда он сверху стукнет один раз. Няня обещает. Уже по глазам Павла я вижу, что он задумал какой-то фортель. Павел предлагает вызвать дух Шекспира и спросить его, где он сейчас находится. Для того, чтобы вызвать Шекспира, он предлагает упорно думать о драматургии, не шуметь, загасить свет и ждать. Когда в темноте все замолкает, Павел каким-то замогильным голосом зовет: «Вильям Шекспир! Явись на наш призыв, поведай нам о твоём местопребывании! Если ты здесь, на мой стук в пол ответь троекратным стуком в пол!» Павел громко стучит в пол... И вдруг в напряженной тишине раздаются три удара снизу. Гнетущая тишина!

«Спрашивайте! Скорее спрашивайте! Дух здесь!» – кричит Павел, но не выдерживает роли и захлебывается смехом. Зажигаем свет. Кто неуверенно улыбается, кто потрясен, и все догадываются о жульничестве.

25 декабря 1916 г.

Праздник Рождества. В доме торжественность и праздничное настроение. Вечером кое-кто соберется, но милых семинаристов не будет – разъехались на каникулы по своим селам. Миша Краев говорил, что будет скучать без нашего дома.

Катя не приехала, боится ехать, так как на железной дороге, в связи с войной, такая неразбериха, поезда, пропускающая военные эшелоны, подолгу стоят на станциях, и Катя боялась опоздать в школу. Она что-то грустит, говорит, что это первое Рождество, когда меня нет дома, и ей не сидится дома. Я за эти дни отдохну от своей работы, побуду с Мишей, погуляю с ним. По дому я все же скучаю, в эти дни у нас было весело и оживленно. Я уже два месяца хожу в музыкальную школу, беру там уроки. Играю упражнения Ганона и даже разучиваю маленькие пьески. Но их так мало, что приходится повторять все одно и то же. Учительница больше не дает и упирает больше на Ганона. Уроки музыки мне очень нравятся. Вот и сегодня я проиграла много упражнений. Павел ушел к ректору по каким-то семинарским делам. Павел собирается съездить в Москву, узнать, нельзя ли нам устроиться там на работу и учебу. Он все мечтает, чтобы мне поступить в университет, а ему тоже в университет на медицинский факультет. Его примут сразу на 3 курс, так как он уже с высшим образованием. Ему хочется получить звание врача, чтобы потом быть одновременно духовным и телесным врачом.

Из книги «Павел и Клавдия. Дневники русского священника, безвинно казненного в 1937 году, а также его и прочие письма»

Павел и Клавдия Устиновы

Павел Устинов, двадцатилетний выпускник Московской духовной академии, в 1916 году (в то время, к которому относятся опубликованные фрагменты дневника его супруги) начал работать преподавателем Вятской семинарии. За год до этого он обвенчался с Клавдией Шурыгиной; в Вятку они приехали с новорожденным сыном. В 1920 году Павел был рукоположен и стал священником в храме села Богослово Владимирской губернии, а через пять лет – настоятелем Николо-Кремлевской церкви во Владимире. В ноябре 1931 года о. Павел был арестован. После пятимесячного заключения в одиночной камере осужден Особым совещанием ОГПУ по ст. 58 на три года лишения свободы. Отбывал срок в Мариинских лагерях Новосибирской области. После возвращения из лагеря ему пришлось поселиться в Муроме (во Владимире его не прописали). В ноябре 1937 года о. Павел был вновь арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и через месяц расстрелян в г. Горьком. Клавдия Устинова прожила до 1961 года. Она сохранила и передала детям дневники и переписку. В 2000-х годах эти документы были изданы.

«По английскому обычаю, гувернантка привязывала к нашим кроваткам в рождественскую ночь, пока мы спали, по чулку, набитому подарками»

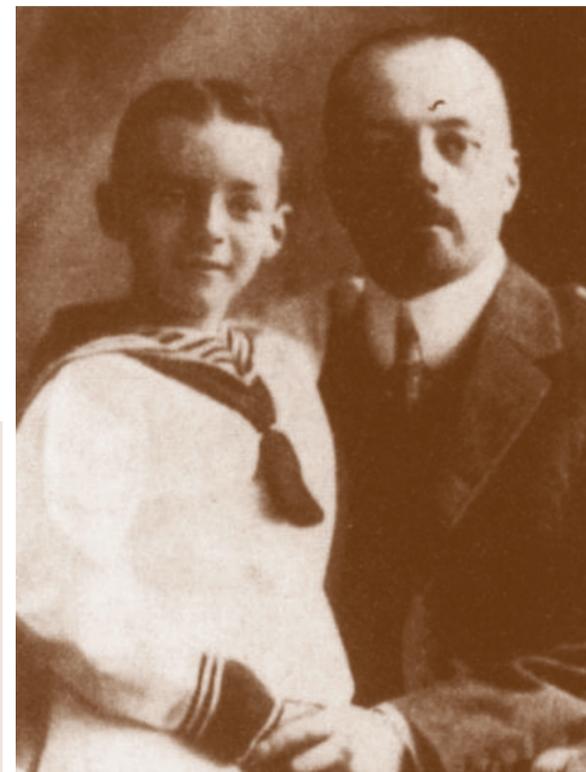
Мать хорошо понимала боль разбитой иллюзии. Малейшее разочарование принимало у нее размеры роковой беды. Как-то в Сочельник, месяца за три до рождения ее четвертого ребенка, она оставалась в постели из-за легкого недомогания. По английскому обычаю, гувернантка привязывала к нашим кроваткам в рождественскую ночь, пока мы спали, по чулку, набитому подарками, а будила нас по случаю праздника сама мать и, деля радость не только с детьми, но и с памятью собственного детства, наслаждалась нашими восторгами при шуршащем развертывании всяких волшебных мелочей от Пето. В этот раз, однако, она взяла с нас слово, что в девять утра непочатые чулки мы принесем разбирать в ее спальню. Мне шел седьмой год, брату шестой, и, рано проснувшись, я с ним быстро посоветовался, заключил безумный союз, – и мы оба бросились к чулкам, повешенным на изножье. Руки сквозь натянутый уголками и бугорками шелк нашупали сегменты содержимого, похрустывавшего афишной бумагой. Все это мы вытащили, развязали, развернули, осмотрели при смугло-нежном свете, проникавшем сквозь складки штор, – и,

снова запаковав, засунули обратно в чулки, с которыми в должный срок мы и явились к матери. Сидя у нее на освещенной постели, ничем не защищенные от ее довольных глаз, мы попытались дать требуемое публично представление. Но мы так перемяли шелковистую розовую бумагу, так уродливо перевязали ленточки и так по-любительски изображали удивление и восторг (как сейчас вижу брата, закатывающего глаза и восклицавшего с интонацией нашей француженки «Ah, que c'est beau!» («Ах, какая красота!» (франц.))), что, понаблюдавши нас с минуту, бедный зритель разразился рыданиями. Прошло десятилетие. В первую мировую войну (Пуанкаре в крагах, слякоть, здоровья желаем, бедняжка-наследник в черкеске, крупные, ужасно одетые его сестры в больших застенчивых шляпах, с тысячей своих частных шуточек) моя мать очень добросовестно, но довольно неумело, соорудила собственный лазарет, по примеру других петербургских дам, – и вот помню ее, в ненавистной ей форме сестры, рыдающей теми же детскими слезами над фальшью модного милосердия, над мучительной, каменной, совершенно

непроницаемой кротостью искалеченных мужиков. И еще позже – о, гораздо позже – перебирая в изгнании прошлое, она часто винила себя (по-моему – несправедливо), что менее была чутка к обилию человеческого горя на земле, чем к бременю чувств, спихиваемому человеком на все безвинно-безответное, как например старые аллеи, старые лошади, старые псы.

Из книги Владимира Набокова «Другие берега»

Писатель Владимир Набоков родился в 1899 году в Санкт-Петербурге в состоятельной дворянской семье, скончался в 1977 году в Монтрё (Швейцария). С 1919 года жил в эмиграции. Автобиографическая книга «Другие берега» опубликована в 1954 году в Нью-Йорке. Отец – Владимир Дмитриевич Набоков, юрист, известный политик, один из лидеров Конституционно-демократической партии (партии кадетов), из русского стародворянского рода Набоковых. В марте 1922 года был убит на лекции П.Н. Миллюкова «Америка и восстановление России» в здании Берлинской филармонии. В.Д. Набоков попытался нейтрализовать стрелявшего в Миллюкова офицера, бывшего члена «Союза русского народа» П.Н. Шабельского-Борка, но был застрелен его напарником.

Владимир Набоков с отцом, 1906 г.

Патриарх Тихон и братства в Америке

Начало на с. 1

В ситуации, когда Святейший Синод не увеличивал финансирование епархии в то время, когда она бурно развивалась, увеличивались приходы, строились храмы, создавались викариатства, основывались школы, монастырь и пр., – только объединение прихожан, готовых не просто изредка приходить в храм, но действительно – финансово и духовно – поддержать свою церковь, давали возможность епархии развиваться и церкви укрепляться.

Свидетельством того, что отношение свт. Тихона к братствам выходило за рамки экономических и организационных интересов, служат слова епископа, адресованные братству Рождества Пресвятой Богородицы в Нью-Йорке 2(14) января 1900 г.: «Каждый член миссии, каждое братство должны полагать свою лепту в созидание здесь, в чужой стране, Божьего дела. Достигается это прежде всего внутренним местным благоустройением, а затем распространением деятельности на более широкие поприща. В нашем приходе, нашему братству сами обстоятельства здешней церковной жизни подсказывают характер потребной работы: устройство храма, расширение количества членов, помощь несчастным, больным и пр. Наша малая дружина должна проникнуться сознанием тех своих обязанностей, какие обозначены в ее наименовании: "православное братство"». Обратим внимание на употребляемое архиереем местоимение «наше», свидетельствующее не только о единстве пастыря и паствы, но и об органичном принятии братства как естественной для него формы устройства церковной жизни.

...Поездки епископа по епархии в синодальный период РПЦ являлись типичной формой управления епархией правящим архиереем. Поездки святителя Тихона выделялись из общей практики двумя особенностями. Во-первых, он стремился посетить все, даже самые отдаленные участки епархии, для чего ему часто приходилось терпеть такие лишения и неудобства в дороге, на какие решился бы далеко не каждый архиерей. Во-вторых, во всех уголках епархии он использовал все возможные формы для общения со своей паствой – как с клириками, так и с мирянами. Хронология миссионерских путешествий еп. Тихона, отраженная на страницах Американского православного вестника, представляет собой посуточный отчет о встречах, богослужениях, разговорах с клириками, прихожанами, представителями братств, и практически ежедневно, за каждым богослужением – проповедь. В общении прихожане свидетельствовали о его способности «всегда... ровно и одинаково, без различия бедности, заботности, сословия относиться ко всякому человеку». В своих беседах с братствами владыка Тихон решал самые разные вопросы: хозяйственные – о приобретении земли, покупке помещений под храм или о строительстве храма; пастырские – о назначении священника, псаломщика, учителя в тот или иной приход по запросу братства или общины храма; разрешал конфликтные ситуации, случившиеся между клириками и прихожанами либо между прихожанами, снимал напряжение внутри многонациональных братств и приходов.

В ходе пастырских поездок по епархии свт. Тихон видел плодотворность братств как в деле материального созидания церкви, так и в просветительском и миссионерском деле. Поэтому часто в его путевых заметках можно встретить прямые призывы к пастве об образовании братств. Так, в записках Анатолия (Дашкевича) о путешествии по Аляске читаем, что владыка отметил: для небогатого прихода села Килисну требуется «крепко сплоченное братство, возвышающееся до выражения собою живой церкви Христовой». Посещая Канаду в 1903 году, много беседуя с прихожанами, «в соответствии с нуждами местного церковного дела он рекомендовал организовать братство, которое бы развивало здесь Православие». Очевидно, что для еп. Тихона воспринимал братство не просто как удачную для местных условий форму организации православных, но как явление духовное, максимально приближенное к выражению сущности Церкви Христовой.

Проповеди свт. Тихона, опубликованные в Американском православном вестнике и других источниках, не всегда позволяют определенно утверждать, кому они были адресованы – братствам или приходам. Очевидно, однако, что для еп. Тихона чрезвычайно важной представлялась задача собиранья церковного народа на основах братолюбия.

Ярким примером проповеди, направленной на собиранье церковного народа, являются слова епископа, произнесенные им 10 ноября 1902 г. при освящении храма в Нью-Йорке. Это было, безусловно, знаменательное событие в жизни всей епархии и плод трудов архиерея. Нью-Йорк становился центром Америки, в нем сосредотачивалось наибольшее количество православных эмигрантов (разных национальностей), действовало одно из самых больших и сильных братств – Богородичное братство, – которое вело большую социальную, просветительскую и миссионерскую деятельность. Слова, адресованные братству, прихожанам храма и всем собравшимся на освящение, безусловно, выражают любимую пастырскую мысль свт. Тихона: «Вкусивши ныне, яко благ Господь (1 Пет. 2, 3), помогший вам

воздвигнуть сей величественный каменный храм, и сами вы, братья, по слову святого апостола Петра, как живые камни, устрояйте из себя храм духовен (2, 5), созидайте из себя церковную общину, столь же твердую и прочную, как и сей храм ваш. <...> ... Приступайте ко храму сему без опасения, с дерзновением, составьте одну дружную семью, союзом веры и любви свяжемся. <...> Объединяясь около храма, вы и из себя самих созидайте храм духовен (см. 1 Пет. 2, 5), чтобы самих себя, свою жизнь посвящать на служение Богу. Не забывайте, что как храм ваш, так и вся ваша церковная община имеет миссионерское значение; вы род избранный, люди, взятые в удел, дабы возвестить окружающим вас инославным чудный свет Православия (см. 1 Пет. 2, 9)».

В своих проповедях свт. Тихон часто подчеркивает роль мирян в жизни церкви, и чаще всего это относится к братчикам как наиболее ответственным представителям паствы. Указывая на различность даров и служений, он не разделял, но призывал объединиться клириков и мирян в общем деле созидания церкви: «Еще св. Златоуст говорил: "не слагайте все на духовных; вы и сами многое можете, вы знаете друг друга лучше нас"... Посему и вы, братья, назидайте друг друга: вразумляйте безчинные, утешайте малодушные, заступайте немощные, долготер-

Русские эмигранты в Америке. Фотография начала XX века

пите ко всем; блюдите, да никто же зла за зло никому не воздаст, но всегда доброе гоните друг ко другу и ко всем (1 Сол 5:14-15)». В прощальном напутственном слове Нью-Йоркской пастве, напоминая ей о миссионерском ее призвании, свт. Тихон говорил: «долг сей лежит не только на пастырях и миссионерах, но и на мирянах, ибо церковь Христова, по мудрому сравнению св. Ап. Павла, есть тело, а в жизни тела принимает участие каждый член: при посредстве всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, великое тело церковное получает приращение для созидания себя (Еф 4:16)». Как было отмечено ранее, тема единства и мира занимала одно из центральных мест в пастырской деятельности свт. Тихона. Отражалась она и в его проповедях – часто он призывал относиться к братству неформально, всегда помнить о сути братских отношений не только между братчиками, но и между клириками и мирянами. Так, в своем слове, обращенном к Майфилдскому приходу (03.05.1903), епископ Тихон призывал: «Да будет мир у вас с пастырем вашим, вместе с которым вы вступили в лоно Православной Церкви... Да будет мир и среди вас самих. В вашем приходе существует несколько братств; и особенно почитается память святых первоучителей словенских Кирилла и Мефодия. Да будет все сие не имени только, но и делом и истиною. Живите между собою по-братски, в мире, любви, согласии, как жили святые братья Кирилл и Мефодий; друг другу помогайте и друг друга назидайте в вере и любви».

Епископ Тихон уделял большое внимание выбору священников, псаломщиков, учителей, которых епархия вызывала для служения из России. О тщательном подборе священно- и церковнослужителей свидетельствует его переписка с другом архиеп. Флавианом (Городецким), которому влад. Тихон сообщал о назначениях, неудачах, просил узнать о благонадежности того или иного кандидата. Но в целом ситуация с подбором клириков была тяжелой: в Америке стремились «любители посмотреть столь расхваленный "новый свет"», но многие и опасались ехать из-за трудных условий – как материальных, так и церковных. В одном из писем еп. Тихон сетовал: «Страдаю не столько от недостатка средств, сколько от скудости людей; ради сего приходится терпеть всякую дрянность». Выходов из такой трудной кадровой ситуации архиерей нашел несколько. Во-первых, он приглашал в епархию своих знакомых – клириков и монашествующих из Холмской епархии, проверенных опытом совместного служения. Следует отметить, что в Холме с 1879 г. существовало и активно действовало одно из крупнейших в России Холмское Богородичное

братство, таким образом, приезжая в Америку, холмские клирики уже имели как минимум представление, а как максимум опыт взаимодействия с православным братством. Во-вторых, еп. Тихон начал работу по созданию в епархии семинарии – для воспитания собственных клириков (он отмечал также, что «своего» пастыря люди слушают больше, чем «приезжего» из России), а также монастыря, в котором видел в том числе поставщика псаломщиков и других младших клириков. Так в 1905 году в Миннеаполисе была открыта первая в США православная духовная семинария, и в том же году в Мэйфильде основан монастырь в честь святителя Тихона Задонского. Все эти меры позволяли архиерею не просто набирать клириков в штат епархии, но воспитывать их таким образом, чтобы они разделяли с ним тот путь церковного строительства, который епископ считал важным и необходимым для Православной церкви в Америке. В том числе это касалось умения пастырски окормлять братства, союзы, другие неприходские формы собиранья верующих, быть наставником для многонациональной паствы. В годы епископства владыки Тихона в американской церкви возросли многие преданные пастыри, которые вслед за своим архиереем высоко ценили явление братства в церкви и утверждали его. Среди таких можно назвать будущего архиепископа Арсения (Чаговца), будущего митрополита Леониды (Туркевича), будущего епископа Иоанна Кочурова, многих других. Особую роль в утверждении братской жизни в Америке сыграл будущий сщмч. прот. Александр Хотовицкий. Окончив в 1895 году Санкт-Петербургскую Духовную Академию, в 1896 году он прибыл к месту своего служения в Алеутскую епархию, где сначала служил псаломщиком, потом диаконом, затем был рукоположен еп. Николаем (Зиоровым) во пресвитера и стал настоятелем православного храма в Нью-Йорке. С 1898 по 1907 год прот. Александр Хотовицкий провел под омофором владыки Тихона, был его учеником и верным соратником и другом. В 1905 году, показывая архиеп. Тихону Русский дом – помещения, которые Богородичное братство Нью-Йорка приобрело для осуществления культурно-просветительской деятельности, прот. Александр пояснял: «...нам всем, православным русским людям в Нью-Йорке, надо жить дружно, помогать друг другу советом и благожелательством для того, чтобы быть сильными, и для того, чтобы развивать наше приходское дело и улучшать церковную жизнь. Для того, чтобы жить дружно, надо иметь друг к другу доверие; для того же, чтобы иметь друг к другу доверие, надо ознакомиться всем взаимно; а для того, чтобы ознакомиться, надо чаще собираться вместе и вместе беседовать, совещаться, узнавать, нет ли способных людей между нами, которые бы могли быть нашими советниками».

Вокруг еп. Тихона собрался круг клириков, которым святитель передал способность видеть не только внешнюю форму организации прихожан, но живые братские отношения, которые необходимо созидать для укрепления православной веры и создания твердого основания церковной жизни. Полученный при еп. Тихоне опыт многие священники использовали в своей дальнейшей пастырской деятельности. Так, например, прот. Александр Хотовицкий, после своего возвращения в Россию в августе 1917 года, стал одним из ближайших помощников свт. Тихона по управлению Московской епархией, участником Поместного Собора 1917–1918 годов, а в 1918 году, будучи ключарем храма Христа Спасителя, участвовал в создании православного братства при храме Христа Спасителя.

Подводя итоги взаимодействия свт. Тихона (Беллавина) с православными братствами в Алеутской и СевероАмериканской епархии, мы можем отметить следующее. Братства в епархии были многочисленными и существенной силой, отношения с ними строились, с одной стороны, организационно-экономического характера – по вопросам финансирования учреждаемых приходов, строительства храмов и т. п., с другой стороны – на основе пастырского попечения: в рамках созидания и укрепления в христианской жизни на началах братолюбия. При этом, исходя из переписки, проповедей, отчетов и пр. свидетельств о деятельности епископа, а с 1905 года – архиепископа Тихона (Беллавина), возможно утверждать, что его представления о церкви были вполне традиционными для Русской православной церкви XIX – XX веков. Основной формой проявления церковности являлось для него приходское объединение верующих вокруг храма, главную роль в церковном строительстве играло священство. Однако, при всей традиционности, представляется уникальным тот факт, что свт. Тихон, столкнувшись с нетрадиционным (в таких масштабах и особых условиях Америки) явлением братства, смог увидеть в нем не только экономический потенциал, но и свидетельство подлинной церковной жизни, и включить это явление в свое пастырское попечение. Отметим также, что еп. Тихон воспринимал братства как форму соборности в качестве особой черты русской религиозности и русской церковной традиции, которой иммигранты из Российской империи могли поделиться с формирующимся народом Америки.

Из бакалаврской работы Евгении Литвиненко (Свято-Филаретовский институт)

О прозрачности жизни

Интервью с игуменом Агафангелом (Белых)

Игумен Агафангел с жителями Тикси

тут какой-то из синодального отдела, нас, заслуженных протоиереев будет учить, чем нам заниматься на приходе». Стали общаться – и вдруг выяснилось, что мало кто из заслуженных протоиереев знает, что на приходе делать надо. Ну, служить – да, ну требы – да. (Помню, когда в семинарии поступал у нас один юноша, на вопрос, что же совершается ежедневно в храме – а вопрос подразумевал такой ответ: богослужение, евхаристия, – он, не задумываясь, ответил: «Як шо? Трэбы!»)

И вот тогда возник вопрос о том, какая она может быть вообще – приходская миссия. Ведь в понимании многих людей миссия – это на страну далече уехать, отправиться в дальние страны. А миссия тут под боком, в центральной России, – она не нужна, потому что тысячу лет тут крестят всех начиная с рождения, и, как известно, крещение уже спасает человека: если крещен, то уже все, «спасен». Уже не нужно никакого обучения, научения вере.

Я попросил, чтобы отцы рассказали о своем миссионерском опыте. Что интересно – есть опыт, но его нельзя назвать миссионерским. На последнем Архиерейском соборе святейший Патриарх прямо сказал, что следует как-то определить так называемую «дорожную карту» миссионерского отдела любой епархии. Вот, например, совместный велопробег со школьниками – это что, молодежная работа или миссионерская? Конкурс хоров ветеранов – это социальная работа или миссионерская? Где границы миссионерской работы и молодежной, социальной или еще какой-либо?

И получилось, конечно, что многие отцы занимаются на приходах чем-то. Но батюшка, как правило, и прораб, и бухгалтер, и все на свете. Он действительно часто занят такими вещами, которые не всегда относятся к его прямым обязанностям. И как ни странно, мы за три с половиной часа беседы поняли, что миссионерское делание на приходе должно и может быть деланием мирянским прежде всего. Потому что священнику этим заниматься просто невозможно и некогда. Его дело совершать таинства и богослужения, организовывать все. А чтобы мирянское делание было действенным, должна быть работа по созданию общины. Общинное движение, возрождение общинной жизни – вот единственное актуальное делание на приходе. Потому что если есть здравая община, то там будут люди, которые займутся и социальной работой, и молодежной, и свидетельством неверующим. Когда внешний человек посмотрит на эту общинную жизнь, тогда может начаться его дальнейшее сознательное вхождение в церковь. Потому что я считаю, что дело миссии – это прежде всего свидетельство неверующему миру о Христе, о

Недавно одна молодая епархия проводила семинар по приходской миссии, и я в нем тоже участвовал. Собрались батюшки, с прищуром на меня смотрят: «Вот, мол, приехал

Евангелии. Приведение человека к этому внутреннему запросу, шагу. Мы не можем никого силком сделать православным, мы не можем по указу Патриарха всех стройными рядами отправить в Царство Небесное.

Святейший говорит очень много хороших слов. Я, готовясь к этому семинару, подобрал его слова, в том числе и о возрождении общинной жизни, совершенно недавние – 2014–2015 года. Но он-то говорит все хорошо и правильно, указы все правильные есть, но на местах очень часто сидят батюшки-«практики», которые с таким прищуром говорят: «Да ну... нам это все надо?» Вот и все...

Наверное, им пример нужен?

Примеров огромное количество. Особенно это хорошо, когда что-то с нуля строится. Я рассказывал про северную миссию – там все строится на прозрачности жизни. Маленький северный поселок, ни одного серьезного забора (там такие метели и пурги, что любой забор снесет). Там 3 магазина, и что бы ты ни покупал в этих трех магазинах, становится известно сразу всем.

В таких условиях не каждый человек сможет жить. Приехал ко мне в помощь как-то парнишка из Школы православного миссионера. Я ему говорю: «Ты приехал мне в помощь на целый год почти. Давай ты мне сейчас, исходя из того, что ты знаешь, чему научился (ты ведь даже диплом получил), напишешь план своей миссионерской работы». Он думал-думал и говорит: «Давайте, батюшка, там на площади мы поставим палаточку, напишем наверху: «Якутам о православии», и Вы будете листовки раздавать о православной вере».

Я говорю: «...я тут уже пять лет как живу. В поселке – четыре тысячи человек, половину из них я знаю, а вторая половина со мной просто здороваются. На меня даже собаки уже лаять перестали, потому что за своего считают. Если я тут начну заниматься таким... Может быть, для Москвы это и хорошо. Раз в году проводится в Царицыно праздник якутский, может быть, там это и можно сделать. Хотя и то, – это как-то не всегда смотрится (я общался с организаторами такого православного стенда там) – вам! о православии! от нас! Как-то это не очень».

И этот парень начал у меня заниматься тем, что обшивал храм вагонкой. И когда он через полгода возвращался в Москву, то говорил: «Спасибо, батюшка, я такую специальность приобрел хорошую! Я теперь могу где-то просто зарабатывать ремонтом!» Пути Господни неисповедимы.

Так что если мы на новом месте начинаем с такой позиции: «Вот мы сейчас наденем белый пробковый шлем и вам все расскажем о православии», то конечно, толку не будет.

Об этом говорят и примеры святых.

Я сегодня поминал свт. Иннокентия Вениаминова. Его можно изучать и изучать. Я даже иногда думаю: почему у нас так мало методических трудов по изучению всего того, что он изучал и сделал? Да, есть какие-то региональные доклады, есть основанная на его опыте методика одна и другая, но этого мало. Это же глобальнейшая фигура, величайший равноапостольный святой Сибири и Америки. Он совершенно молодым человеком двадцати семи лет приехал в первый раз на Алеутские острова с женой да еще и с маленьким ребенком. Что он стал делать? Посмотрел – надо огород делать. Стал сажать огород. Подошли к нему местные алеуты: «Ты что делаешь?» – «Вот, смотри, огород делаю, потом это все

О прозрачности жизни

Интервью с игуменом Агафангелом (Белых)

расти будет. Умеешь пилить? Нет? Ну вот, смотри, как пилить надо. Вот так надо пилить, а вот так надо строгать». Он их научил сажать огород, научил обрабатывать дерево, они построили прекрасный храм, до сих пор он в Ситхе стоит. Такое совместное житие, совершенно прозрачное, когда человек посмотрит и скажет: «А что я должен делать дальше?» – только этим можно о Христе свидетельствовать, если мы хотим показать Христа, показать Евангелие, то есть говорим именно о миссии, а не о диалоге с иными религиями (такой диалог предполагает немного другое).

Отец Агафангел, а якуты как сейчас живут? Распространены ли среди них языческие верования?

Якутск – это большой город, в нем живет половина всего населения Якутии, почти полмиллиона человек. Там преимущественно все работают в разных организациях. Сельские жители, которые живут в центральной Якутии, – как правило, скотоводы (у них в основном крупный рогатый скот, коровы, а не олени), земледельцы. Они же кочевники-коневоды.

Весь эпос якутский – эпос кочевников, которые жили в степях, в лесах, где были березы (хатын – береза – одно из культовых деревьев). Более того, они всегда жили в деревянных домах, которые назывались «балаган». Единственная разница их с русскими избами – в русской избе бревно горизонтально стоит, а в балагане вертикально; там и печка внутри есть. Это народ, который летом постоянно переходил за табунами своих коров и лошадей с места на место. Летнее жилище называется ураса, – оно тоже из берёзы сделано.

Одно из верховных божеств, после самого верхнего бога, бога единого, бога творца, это Джэсэгэй тойо н – конный бог, который владеет огромными стадами. И культовое для якутов и для

кочевников сооружение – сэргэ – это небесная коновязь. Есть два объяснения, почему это высокий столб. Одно мистическое, а другое совершенно практическое. Мистическое – коновязь высокая, чтобы небесных лошадей Джэсэгёй можно было туда привязать. А практическое – после долгого перехода лошадям пить нельзя, и их просто повыше подвизывали, чтобы не напились раньше времени.

И конечно, этот народ постепенно мигрировал на север. Будучи цивилизованными и более вооруженными, они вытесняли коренных жителей Крайнего Севера еще дальше. Перенимали у них оленеводство, но никогда, кстати, как правило, сами не занимались оленями. Всегда богатые тойоны владели оленьими стадами, а пасли этих оленей ламуты, тунгусы или юкагиры.

Даже само название северного сияния по-якутски – джукель уота – означает «юкагирские огни». Может быть, то, что у язычников полное многобожие, некий анимизм – в каждом озере свой дух, у каждого дерева свой дух, в каждом камне тоже свой дух – мешало им принять учение о едином Боге. У народа саха же было учение о том, что есть Танра – Бог творец, Бог единый, он же Тэнгри – бог-синее небо, и это как-то облегчало христианскую миссию. Шаманизм не был для них национальной религией. Религия саха – религия светлых божеств Айыы, Арчи. И у них не было шаманов, а были алгысчиты – старейшины, которые благословляли новый год, новый дом, еще что-то. Старейшина даже не был человеком, прошедшим какое-то посвящение, а просто тем, про кого могли сказать: давайте позовем Иннокентия Петровича, потому что он у нас такой человек авторитетный, и он нам скажет доброе слово. И он говорил: хорошо, скажу – о, великий бог Тангара, синее небо, ясное солнце, пошли сюда нам благодать, дай нам здоровье, нашим лошадям и скоту дай плодovitости, врагам нашим дай поражение, а нам дай силу и много детей; и все отвечали: да будет так!

И поэтому когда христиане пришли (причем христиане пришли очень мягко, это, наверное, был единственный пример такой мягкой христианизации вообще; скажем, опыт Бурятии, Калмыкии показывает, что там жестко было, а в Якутии все-таки все было более слажено), религия Айыы тихо и мирно отошла в сторону. И на ее место встало белое духовенство.

Конечно, было много проблем с тем, что называется двоеверием, и это

отдельный большой разговор. Но мне кажется, если бы было больше времени, со всем этим можно было бы справиться. Времени же не хватило: когда в начале XX века пришла советская власть, она начала одинаково жестко бороться и с православным духовенством, и с алгысчитами, с национальной религией, и с шаманами. Началась русификация. Были скрытые протесты, конечно. Был известный процесс в государственном Якутском университете в 1986 г., когда по обвинению в сепаратизме часть профессуры отстранили, студентов судили. Тогда «по поручению ЦК КПСС группа работников отделов Центрального Комитета партии и КГБ СССР выехала в Якутскую АССР в связи с имевшими место в городе Якутске антиобщественными действиями части молодежи, сопровождающимися националистическими проявлениями». То есть там всякого хватало в свое время. Потому что если была усиленная русификация, то совершенно понятно и обратное движение.

Они сейчас к своей национальной религии обратились?

Да где же ее взять-то, если ее нигде никогда не описывали и если алгысчиты всегда говорили молитвы и благословения импровизированно. Все, что сейчас есть, – это реконструкция по эпосу Олонхо, а первые записи отдельных песен эпоса (кстати, включенного ЮНЕСКО во всемирное нематериальное наследие) были сделаны в 40-х годах XIX века русскими учеными: Миддендорфом, Уваровским.

А известнейший текст олонхо «Нюргун Боотур – стремительный» был заново воссоздан поэтически Платоном Ойунским уже в 20–30-е годы XX века.

Первый глава Министерства культуры и духовного развития республики Саха (название интересное, да?) – известный театральный режиссер и актер. Другой актёр, который сыграл в середине 1980-х роль шамана в фильме «Иван Бабушкин», так вжился в роль, что разработал в тех же 1990-х сценарий проведения праздника ысых – благословения солнца и кумыса – для районных домов культуры. Это был чисто театральный сценарий для культуротников, но культуротники незаметно стали работниками культа, потому что там явные религиозные элементы есть. Сейчас он великий алгысчит и шаман – так его называют.

И очень долгое время все эти вещи совершенно спокойно реализовывались: вот, мол, такова наша традиция. А первая православная епархия была

учреждена только в 1993 году, туда приехал владыка Герман, нынешний курский митрополит. Это был первый якутский епископ в новейшее время. До этого не было якутской епархии. Иркутская епархия занимала также якутскую, чукотскую, камчатскую часть и так далее. В Якутии тогда всего три прихода числилось.

Тем временем «реконструкция национальной религии» шла совершенно спокойно, был создан Центр духовной культуры «Дом Арчы». Вот что они пишут сами про себя: «С открытием Центра «Арчы» стало реальностью проведение ежемесячных календарно-обрядовых праздников, у людей появилась возможность приобщиться к таинству благословений – алгыс. Обряды благословений – алгыс – по форме и содержанию различаются на алгыс для новорожденных, новобрачных, алгысы для очищения и укрепления духа, алгысы для удачной охоты, алгысы перед дальней дорогой, алгысы по прибытию в Якутию и т. д. При Центре создано Объединение алгысчитов – исполнителей обрядов, знатоков традиционной культуры. Есть специальный обрядово-ритуальный зал». Читаешь отчёты о работе: «за 2015 год нами было разработано 75 новых благословений: при болезнях скота и т. п.» Подпись там, например, условно: «Пётр Иванов, алгысчит 80-го уровня». Они на бюджетные деньги ведут такие вот «научные работы».

А уровни как присваиваются?

Вот не знаю, видимо, они какую-то рейтинговую систему разработали. «Градация среди шаманов тоже есть – Простой, Средний, Великий (Сизэмэх). Про уровни и градацию очень долгий рассказ, целая система. Так что поговорим в следующий раз», – из интервью с великим Шаманом, народным артистом Якутии. (<http://www.shamanstvo.ru/people/people-12.htm>)

Поэтому сейчас появилось то, чего не было никогда – культовое здание якутской религии. Если раньше это была просто любая летняя ураса, такой

шалашик, крытый берёзовой корой, и он служил местом, где люди просто жили в жаркое время года, собирались на праздники и все было понятно, то теперь нет, теперь строится отдельное деревянное, капитальное здание – Дом арчы, строится как бы в аналог церковному зданию христианскому. В одном из поселков мы пришли с мыслью построить часовню, а местный директор колхоза сказал: а мы хотим построить дом арчы. И не доказать ему, что до начала 1990-х никаких домов арчы в истории не было вообще, что все это полнейший новодел, все это придумки, реконструкция. Но нет: это же вот наше.

Потому что они христианство воспринимают как национальную религию русских.

Проблема даже с якутскими священниками. Когда якутский священник приезжает куда-то проповедовать, ему, бывает, говорят: ну брат, ты же понимаешь, что ты проданся. И все.

А как у Вас в Тикси дела обстоят?

У нас пятьдесят на пятьдесят. Пятьдесят постоянных прихожан, примерно половина из них – коренные жители, там не только якуты, там и эвены, и эвенки.

Я среди них не только жил, я просил их помочь что-то сделать, потому что кто там поможет. Там ведь когда люди приехали нам на храм купол ставить, они мне сказали: «Ну, мы вам почти все привезли». Я им говорю: «А что вы еще не привезли?» – «А мы металл с собой не стали брать. Здесь купим». Я им говорю: «Где?» – «Ну, здесь, в хозмаге». – «Здесь нет хозмага». – «А как же нам купить, вот нам надо триста килограмм металла листового». – «В Якутске». – «А Якутск далеко отсюда?» – «1700 км». (Смех.)

То есть, конечно, приходилось ходить, просить что-то. Дайте то, дайте се.

Отец Агафангел, а вот те, кто из местных жителей, коренных прихожан, – они сознательные христиане?..

Ну, почти всех из них я крестил. Один из них год оглашался. Там была причина серьезная, я ему сказал: ты пока пить не бросишь, я тебя крестить не буду. Бросил. Совсем. Женился и сына родил. Я и сына крестил потом.

Из беседы с братчиками Свято-Введенского малого православного братства

Чтение Священного Писания, молитва, участие в богослужении должны найти отражение непосредственно в процессе оглашения

Такую точку зрения высказал ведущий специалист сектора катехизации Синодального отдела религиозного образования и катехизации Антон Ракушин, выступая на секции «Духовно-нравственное образование сегодня» II Духовно-образовательных чтений Армавирской епархии «1917–2017: уроки столетия».

Он отметил, что каким бы кратким в современных условиях ни было оглашение, оно всегда имеет целью актуализировать для оглашаемых – взрослых, желающих принять крещение, а также родителей и восприемников крещаемых младенцев, – ключевые аспекты церковной жизни христианина.

«На огласительных беседах мы призываем участвующих в них к молитве, чтению Евангелия, участию в богослужениях. Но полагаю лучшим, если данный призыв начнет реализовываться непосредственно в процессе оглашения. Целесообразно предварять и заканчивать огласительные беседы молитвой, пусть даже краткой: «Господи благослови», «Господи, благодарим Тебя»; прочитывать вместе с оглашаемыми небольшие фрагменты библейского текста с комментарием и обсуждением в контексте отношения этого священного текста к нам, к нашей жизни; организовывать беседы так, чтобы перед ними или сразу после них участвующие в оглашении имели возможность прийти на богослужение и приобщиться к нему хотя бы на краткое время», – сказал Ракушин.

По его мнению, важно попытаться «подвести родителей и восприемников, не участвующих в церковной жизни, к пониманию необходимости фактического воссоединения с Церковью в таинствах Покаяния и Евхаристии».

На секции также поднимались вопросы отражения темы Чтений в рамках религиозно-образовательной деятельности и профилактики попадания детей и молодежи под влияние деструктивных культов.

Чтения, организованные Епархиальным отделом религиозного образования и катехизации при поддержке администрации Армавира, прошли 16 ноября 2016 года в рамках регионального этапа XXV Международных Рождественских образовательных чтений. Работу форума возглавил епископ Армавирский и Лабинский Игнатий.

Сайт Синодального отдела по религиозному образованию и катехизации

Как не стать «живым диктофоном»

«Ки́фа» обратилась к катехизаторам Преображенского братства с вопросом: «Каково, на Ваш взгляд, самое главное качество, без которого человек не может быть катехизатором?»

Дмитрий Гасак

Что-то одно назвать трудно. Катехизатора вообще трудно описать, потому что если мы назовем все его качества, то получится, что это просто нормальный, хороший христианин. Но если все-таки постараться выделить эти качества, то я бы, наверное, отметил

единство веры и жизни. Катехизатор не может учить тем нормам христианской жизни, которые он сам не исполняет. Ну и готовность делиться своей верой и разделить свою христианскую жизнь с теми, кому он свидетельствует. И здесь, мне кажется, всегда должна проявляться церковность жизни. Церковный характер катехизации – это не просто индивидуальное научение людей вере, а собрание людей в Церкви, собрание народа Божьего.

Владимир Якунцев

Не могу уместить в одно определение. Два главных качества катехизатора: знание церковной традиции и общенность к ней, реальная, действенная общенность. А второе главное качество – это приветливость.

Александр Копировский

Умение слышать и то, что ты сам говоришь, и то, как это отзывается у других людей.

Умение слушать и понимать, что они говорят.

Если катехизатор не ориентируется в происходящем на оглашении и не реагирует на проблемы оперативно, то он просто живой диктофон.

Олег Ермолаев

Мне несколько качеств приходят на ум. Это любовь к людям, милосердие и умение передать веру христианскую в Бога и в человека.

Сергей Бурлака

Мне кажется, что катехизатор не может слушать, не может трудиться не без одного качества, а как минимум без двух. И они, как может показаться, взаимно исключают друг друга – вот такая антиномия.

С одной стороны, это возможность действительно вести человека ко Христу, к нему не привязываясь и его не привязывая к себе. Ведь оглашаемые всегда на катехизатора смотрят как на настоящего учителя, на которого они хотят быть похожими, которому они хотят подражать, но между катехизатором и оглашаемым должно быть в хорошем смысле дистанцирование – не духовное, не внутреннее, а касающееся каких-то внешних вещей.

А с другой стороны, необходимое качество – стояние за человека, готовность бороться за него с этим миром. Когда он охлаждается, разогревать его, когда он отдаляется, приближать его, когда он хочет уйти в страну далече, остановить его «на автобусной остановке» и сказать, что этот автобус идет в никуда. И мне кажется (и я это вижу в своем пока еще небольшом опыте катехизации), что когда ты не сделаешь вот этого шага отставания человека, то ты собственно и не катехизатор тогда.

Сочетание этого дистанцирования и борьбы до крови с миром сим, с собой, с какими-то внутренними противоречиями в человеке за человека – вот это и делает из учителя, педагога, православного наставника настоящего катехизатора, учителя церковного.

Людмила Комиссарова

Отзывчивость по отношению к людям, забота и сострадание.

Светлана Чукавина

Мне кажется очень важным, чтобы катехизатор полюбил своих оглашаемых.

Маргарита Шилкина

Любить оглашаемых надо, тогда все получится.

Лидия Крошкина

Любовь к ближним и верность этой любви.

Ирина Елисева

Мне кажется, главное качество – уверенность, надежда на то, что Сам Бог, Сам Христос этих людей оглашает. Он дает им пищу и поэтому

катехизатору не нужно что-то изобретать. У него на тот вопрос, который есть у оглашаемого, всегда будет ответ, могущий человека насытить и направить дальше в жизни вслед за Богом.

Ольга Кузнецова

Сострадание людям, которых он встречает, и желание, настрой сердца – помогать человеку обретать глубину веры и следовать за Христом твердо.

Сейчас несколько человек из молодежи мне сказали, что хотели бы быть катехизаторами. Ваш совет?

Не бояться быть помощником Христу в прорастании того семени, которое есть в сердце человека. Христос дает катехизатору все возможности и все дары, которые ему для этого необходимы. Но тот, кто хочет быть катехизатором, должен преодолеть страх, прежде чем на эту непростую почву ступить.

Беседовала Анастасия Наконечная